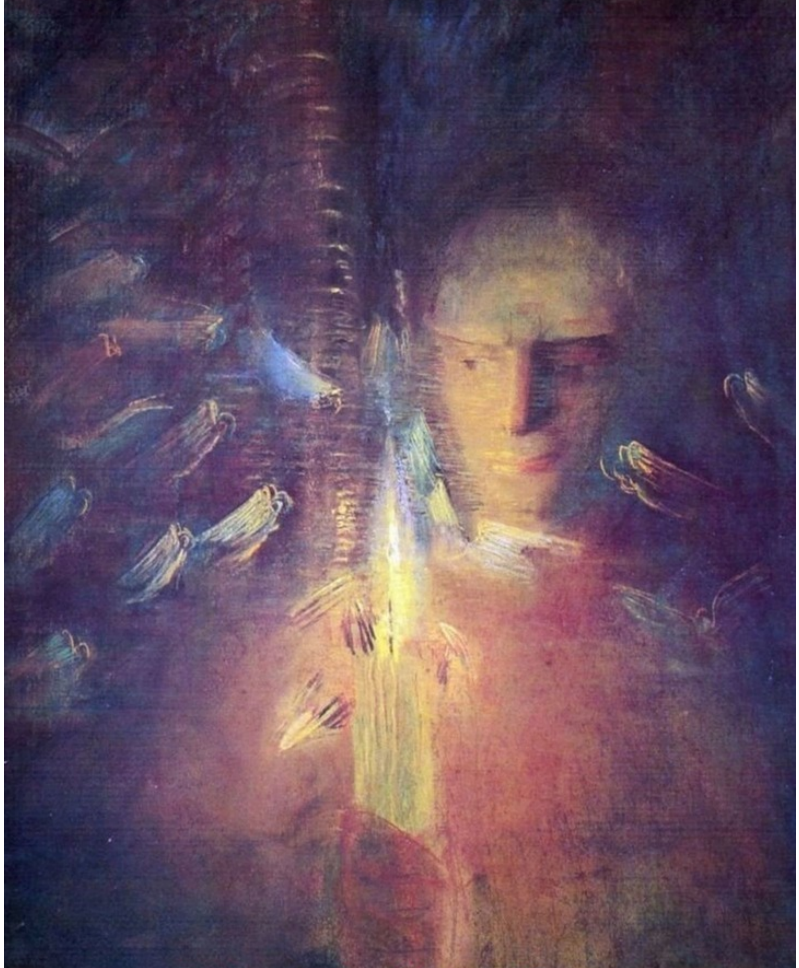

Анатолий Анатольевич Воробьев

Любви́нный лабиринт То́нки

Анатолий Анатольевич Воробьев

Любовный лабиринт Тонки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711678

ISBN 9785005082817

Аннотация

Если коротко – это повесть о любви русского молодого парня из Украины и девушки из Белоруссии, встретившихся в Литве совершенно случайно, когда мы еще все были вместе. Про их разлуки и встречи, про то, что настоящее чувство способно преодолеть любые трудности... Способно даже пережить предательство. Про то, что настоящая Любовь всегда трагична? Про то, что один человек способен любить, а другой оказался не способен. Обложка книги – репродукция картины Чюрлениса «Истина».

Содержание

Часть первая	5
3	13
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Любовный лабиринт Тонки

Анатолий

Анатолевич Воробьев

© Анатолий Анатолевич Воробьев, 2019

ISBN 978-5-0050-8281-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовный лабиринт Тонки

повесть в прозе, стихах и письмах

«Ни в паству не гожусь, ни в пастухи.

Другие пусть пасут или пасутся.

Я лучше напишу тебе стихи —

они спасут тебя...»

(А. Вознесенский)

Часть первая

1

Середина лета.

Кафе. Вечер. Если выйти на террасу, то почти сразу же внизу чернеет озеро. На фоне неба в пелене тумана торчат пики костела.

Внутри кафе шумно, но в меру.

Поют «итальянцы». Светомузыка. Теплый тихий вечер.

Появляются всё новые посетители, некоторые уходят. За столиком двое: один – высокий брюнет с красивым, несколько вызывающим, взглядом, который подчёркивают усы – Вадим, другой – среднего роста, светлый, пожалуй, иногда загораются глаза, но это может казаться из-за бликов фонарей. Зовут Антоном. Обоим лет по двадцать.

Чуть позже входят две девушки, садятся за соседний столик и заказывают шампанское.

Звучит медленная музыка и Вадим встает и приглашает одну из подружек. Темненькую. Другая, светлая, остается одна и через какое-то время рассеянно оглядывается вокруг. Ее взгляд скользит по Антону и задерживается на секунду... Он, прикрыв лицо руками, глядит на нее сквозь пальцы. Затем встает и выходит наружу и, облокотившись на перила, смотрит через стекло на нее.

Ее приглашает на танец какой-то другой парень. Она соглашается.

Антон до конца вечера так и не входит внутрь.

Кафе закрывается. Гаснут огни. Вадим уходит, забирая чёрненькую. Вторая, Людмила, стоит посреди зала и не уходит, словно чего-то ожидая.

Антон подходит к ней сзади, она его не видит :

– Можно мне вас проводить?

– Тут совсем рядом, – она оборачивается и улыбается, разводя руками.

– Ну и что?

– Можно...

Они медленно идут к её дому, и у них в ушах ещё звучит музыка кафе. Но она иная: от этой музыки не слышны шаги, все вокруг сказочно, волшебное.

Они идут, как по краю пропасти: шаг в сторону – и всё!..

И от этого замирает сердце.

Их руки почти касаются друг друга, их глаза встречаются... и не могут оторваться! Всё это так неожиданно...

В это не верится!

– Мне так легко и просто с вами...

Могу говорить и говорить: обо всём, про всё.

И не будет смешно.

Я вам верю.

– Мы часто приезжаем сюда отдыхать с мамой. А кафе...

– Я здесь первый раз. И сразу – вы. Может, это от шампанского?

– Может! – смеется она.

– Знаете, когда вы вошли и сели за столик с...

– Алдоной, – подсказывает она.

– Да, с Алдоной, – соглашается он, – мне захотелось пригласить вас к себе, в свой мир...

– В какой?

– Я и сам не знаю. Вдруг почувствовал, что он есть.

– А как вы удивились, что меня зовут Людмила! – её широко раскрытые глаза искрятся, – «почему Людмила»?

– Я просто не ожидал, думал, будет что-то прибалтийское... А вы – Людмила!

– Милка. Меня всегда зовут Милка... Мои друзья.

– Послушайте, можно, я прочту вам стих? Мне очень хочется...

– Можно.

Ворочается гном,

дрожит свеча. Рассвет.

– Придешь сегодня сном?

– Прости, сегодня – нет.

– А что стряслось? – Да, так...

– Опять дела? – Дела.

И катится яичко

вдоль узкого стола.

– А, может, всё же будешь?

– Да вряд ли. Ты не жди.

– А знаешь, будет стужа
и долгие дожди.

– Да, знаю, будет стужа.

И лёд. И холод тьмы.

А под окошком лужа...

– Но, всё же, будем мы?

Дрожит рассвет. Светает.

Ворочается гном.

А в воздухе витает :

«Придёшь сегодня сном?»

Она молча смотрит в его глаза...

Затем отстраняется от него, слегка отталкивая рукой :

– Вот мы и пришли. Здесь я живу, – показывает она
на дом, – во-он тот первый подъезд. Мы с мамой здесь всегда
снимаем комнату...

Они стоят друг перед другом.

– Мне пора ... – произносит она.

– Где я могу вас увидеть? – перебивает он ее.

– А вы хотите? – её глаза глядят в его настороженно.

– Да. Хочу!

– Приходите завтра на танцы в парк у Немана. В семь.

Придёте?

– Приду.

Она улыбается морщинками у глаз :

– Тогда, до завтра! – и убегает в подъезд, смеясь.

«Завтра!»

«Да нет, не может быть никакого завтра!..Ничего этого не может быть!»

Он оборачивается, но дом стоит на том же месте. Вон и подъезд, куда только что забежала она. Он поднимает глаза вверх – небо усыпано звёздами! Ни одна не падает!

Но ведь одна всё-таки упала!..

Когда он возвращается в кемпинг, все уже спят. Он долго сидит перед входом в палатку.

Сидит и не верит, что завтра снова увидит её. Или, кажется, увидит, а она его не узнает. Мало ли вокруг таких же, как он!..

«Ах, если бы можно было скомкать время в руке, смять, как клочок бумаги, в комок – и вот уже завтра, семь часов!..»

2

День тянулся мучительно долго: Антон что-то говорил, отвечал, смеялся. Иногда невпопад. Вадим поглядывал на него и улыбался. В шесть Антон удрал от всех и медленно пошел в направлении огней, где уже слышалась музыка.

Её ещё не было.

Он обошёл всю танцплощадку – её не было!

«А вдруг она не придёт?» – где-то внутри мелькнула мысль.

Он ведь даже не знает, кто она, где живёт!.. Хотя, где живёт – знает!

Антон сел и закурил.

Что-то чёрное накрыло его и принялось стирать всё вокруг...

И вдруг он увидел её!

Она танцевала с каким-то парнем медленный танец. И весело болтала!

Антон продолжал сидеть и курить, внимательно глядя на неё. Его он не видел.

«Нет, не могу», – сказал сам себе, поднялся и пошёл через круг. И сел совсем недалеко от них.

Она танцевала лицом к нему – он смотрел на неё – она его не видела.

Музыка замолчала, и они пошли по направлению к нему.

И, не доходя совсем немного, она заметила его. Глаза её заблестели, она улыбнулась и протянула ему руку (бросив спутнику: « Я сейчас»):

– Привет! Я немного задержалась, никак не могла вырваться!

Она болтала без умолку, а он смотрел на её лицо и не верил, что она рядом, что говорит всё это ему.

На мгновение он обернулся – парень, что пришел с ней,

смотрел на него.

Она вся лучилась, соломенные пряди вились, словно ковыль, по розовой кофточке, доставая до «бананов» цвета кофе с молоком.

– Можно с вами потанцевать? – предложил он.

– Я люблю танцевать, – легко согласилась она.

И даже не взглянула на своего дружка.

Они танцевали, и он вновь чувствовал её совсем близко, вдыхал запах её волос.

Когда танец закончился, её парень подошёл и, не глядя на Антона, сказал :

– Пойдем, Мила, нам пора!

И она, будто спохватившись, немного виновато (как Антону показалось) сказала :

– Мы сегодня собираемся небольшой компанией. Нас ждут... Надо идти, – и пожала плечами.

Он стоял перед ней, опустив руки – и в ответ тоже пожал плечами :

– Ну, раз надо...

– Пошли, – обернулась она к своему спутнику.

Антон глядел на её спину, чувствовал, что она уходит навсегда. Глупо, нелепо... Уходит!

– Постойте! – вырвалось у него.

И он схватил её за руку.

Она обернулась и застыла с приоткрытым ртом :

– Что?!

Остановился и её попутчик – Антон глянул на него, и тот, нехотя, отошёл в сторону.

– Слушайте, у меня завтра день рождения. Я вас приглашаю! Приходите в «Руту», кафе, к пол-девятому... придете?

Она задумалась :

– Как-то неудобно, ведь мы не знаем друг о друге ничего...

– Там будем только я и мой «брат» Вадим. Больше никого. Приходите!

– А если я приду не одна?

– Пожалуйста.

– Приду, – и она легко провела ладонями по его рукам.

Затем повернулась и, не оглядываясь, пошла к выходу. Её «друг» пошёл за ней следом.

3

Кафе «Рута». Вечер. За столиком сидят Вадим и Антон.

– Думаешь, она придёт?

– Не знаю...

– Она придёт!

– Откуда ты знаешь?

– А вон, смотри! – кивает головой Вадим на дверь.

В дверях появляется Людмила – волосы развеваются, белая рубашка обрисовывает её тело. Она точно летит. В руках – маленькая коробочка.

Антон вскакивает и идёт ей навстречу. Они сталкиваются среди танцующих:

– Вы пришли! Одна?

– Одна! – она не может отдышаться, смахивает прядь волос с лица, – Так будет лучше ... «Мои» звали меня с ними на Остров Любви. Знаете?

– Нет...

– Но я почему-то пошла сюда, – она разводит руками, – в таких случаях говорят: ноги сами принесли!

Она достаёт из-за спины маленькую коробочку, перетянутую синей лентой :

– Это вам! С днём рожденья!

Он развязывает ленту и раскрывает коробку.

– А у вас и правда сегодня день рожденья? Или?.. – она

закусывает губу.

– Правда, – смотрит на неё Антон, – я бы не стал врать вам. А если бы его не было?

– Ничего бы не было? – тоже спрашивает она.

В руках у Антона оказывается маленький бочонок, на котором восседает чёртик с хвостом в чёрном смокинге и цилиндре.

– Это винный чёртик! – берёт она из рук Антона подачок. – Я его купила в маленьком магазине возле Чюрлёниса... Знаете?

– Я ничего тут не знаю ... Мы вчера приехали.

– И никогда тут не были?

– Никогда.

– И не знаете Чюрлёниса?!

Он разводит руками в стороны.

– Вам так повезло!

– !?

– Вы его узнаете! Я вас познакомлю. Никогда никого не знакомила с Чюрлёнисом!

– Я первый?

– Да. У меня – первый. Чудо какое!..

Они втроем пьют болгарское шампанское «Искру». Людмила выпивает залпом целый бокал и смешно морщит нос.

«Рута» летит в чёрном огромном небе! Время остановилось, оно сломалось, время исчезает. На вопрос: «какой час?» – все отвечают: «не знаю...»

Антон под столиком касается пальцами её руки, наклоняется и шепчет :

– Хочу потанцевать с вами!

Она радостно кивает ему в ответ.

Они поднимаются и идут в круг.

Он обнимает её и чувствует, как её руки мягко обвивают его шею, как её тело касается его. Он держит её за плечи так бережно, что почти не ощущает кожи под тонкой рубашкой. И пальцами незаметно гладит её волосы, осторожно проводит по ним щекой.

Свет внезапно гаснет! – загорается! – гаснет! – начинает мигать! В нём все двигаются рывками, часть движений исчезает. Над головой отбрасывает во все стороны блики зеркальный шар! Полное ощущение, что ты подвешен в воздухе!

Вадим отнимает Людмилу у Антона – и танцует с ней.

Антон выходит наружу и идёт по балкону к озеру – оно под ним – чёрное-чёрное! – и оттого кажется необъятным!

Краем глаза он видит, как внутрь проходит знакомая Вадима Алдона – её резко очерченный прибалтийский профиль трудно спутать, так как тут собрались, в основном, приезжие.

Одна звёздочка, задрожав, начинает падать. Кто-то сбоку кому-то (не ему) шепчет :

– Звезда падает! Загадывай скорее желание!

Антон улыбается про себя :

«Это не моя звезда. Это – их звезда!»

Он поднимает голову вверх – со всех сторон кафе окружает звёздное небо – сколько их! Миллиарды глаз глядят на нас, а что в них – разобрать нельзя. Может, слишком далеко, может, не хотим всматриваться...

Он смотрит на звезды и, кажется, летит в эту черноту. Они так близко, что стоит протянуть руки и можно дотронуться, коснуться их...

Он возвращается – Людмила улыбается ему. И, когда он садится, спрашивает его взглядом: «Что-то случилось?»

«Да», – улыбается он ей в ответ.

...Потом они идут к её дому (уже поздно). Вадим уходит с Алдоной. Они держатся за руки и молчат.

Подойдя к её дому, они садятся на скамейку... и молчат. Слов нет! Они исчезли, растворились, словно их никогда и не было. Это – бессловесный мир... Следующая ступень.

Прохладно (и жарко – от близости рук, губ, волос, глаз).

«Пора!» – нависает в воздухе.

«Не надо!»

Он снимает джемпер и предлагает ей – она отказывается.

– Может, всё-таки наденете? – Прохладно.

– Нет, спасибо...

– Слушайте... Слушай, не могу больше на «вы». Не хочу.

Давай на «ты»?

– Давай.

– Милка, одень джемпер. Холодно.

– Не хочу... Тонка. Так можно?

И опять молчание. Оно затягивается.

– Ты можешь сесть ближе?

– Могу, – улыбается она. И придвигается к нему. Их плечи касаются.

– Можно, я тебя обниму?

– Можно.

Её глаза вновь глядят в его, губы полуоткрыты.

Рука – как чугунная – медленно поднимается... и ложится на её плечо. Он растопыривает кисть и проводит ладонью по её рубашке. Она ёжится.

Они сидят рядом: Антон касается щекой её щеки, но глаза не встречаются.

...И не выдерживает первым: берет её за плечи, поворачивает к себе и глядит в глаза.

Она отворачивается и склоняет голову ему на грудь. Он гладит её волосы и шепчет: «Ми – ии- лка...»

Она трётся затылком о его подбородок и тоже шепчет: «То – ооо- нка...»

Сколько проходит времени? – оно летит, оно еле движется, оно несётся в пространстве со скоростью любви (?!), быстрее света, оно стоит на месте – его нет. Есть глаза: в них что? – нет таких слов – есть глаза. Не нужно слов.

Они подходят к её дому, к подъезду – тут она выскальзывает из его объятий и взбегает по ступенькам вверх.

– Пока, – шепчет она, остановившись.

– Нет, – почти кричит он, – не уходи! Постой.

И взбегает за ней.

Она ждёт его, стоит и смотрит на него широко открытыми серыми с желтизной глазами :

– Что, что? – беззвучно повторяют её губы.

Он наклоняется к ним и едва заметно касается, чувствует их тонкую кожу – мгновение... и её уже нет. Только хлопает дверь.

Кто придумал поцелуй? Его кто-то придумал? А если бы придумали что-то другое?

Он всё-равно бы её поцеловал!

И остаются слова: « Пока, Тонка... » Они ещё долго висят в воздухе,.. а её уже нет. Нет и этого поцелуя. Нет ничего.

Что же есть? – Время?

Нет времени!

Что же!?

Возвращается он в кемпинг: он не идёт, не летит, его нет. Только поцелуй и её губы. И огромная, как вселенная... с небольшой желтизной на сером фоне...

4

По апельсиновой дорожке
рассвета солнечного дня
ольха несёт свои серёжки,
и просыпается земля.

Милка спешит, пытаясь уложить непослушные волосы на затылке. Но то одна, то другая прядь выбиваются и скользят ей на лицо – она смешно сдувает их, а когда не выходит, убирает ладонью. На ней короткие шорты и майка с короткими рукавами; видны сильно загорелые ноги и руки.

Она всегда спешит, сколько себя помнит. Тихая, спокойная жизнь – не для неё! Так она устроена, и ничего делать с этим не собирается! Тем более всем, кто её окружает, это нравится.

По пути ей попадается ольха на обочине: она ловко подпрыгивает и срывает с неё маленькую коричневую шишку.

Костёл по-прежнему бросает свои чёрные пики в голубое небо и, такое ощущение, таит что-то внутри себя. Антон останавливается в нерешительности ...потом подходит ближе. Заглядывает внутрь: там пусто. Он не сразу замечает одинокую коленопреклонённую женскую фигурку. И заходит внутрь.

Тут так красиво!..Фигуры из серого мрамора нависают

над ним – на колени! Они, как живые... как окаменевшие живые. Он, пятясь, идёт к выходу. А девушка (теперь он разглядел её – ей лет семнадцать) продолжает отвечать поклоны ... Он на улице – ф-фуу!

Здесь – солнце, смех, фонтан играет радугой на озере, вдалеке, за деревьями, играют солнечными зайчиками пузатые, как чайнички для заварки чая, купола русской церкви; там – холод, полумрак и ещё что-то, что заставляет тебя съесть свой смех и стать покорным.

Резкая граница. Другая культура. Не можешь понять – не осуждай.

Но и заставить тебя никто не может!

– Эй, привет! – кто-то толкает его в плечо.

Он оборачивается – Милка!

– Привет, Тонка! Ты меня не ждал?!

Он молча смотрит на неё.

Она переводит взгляд с него на костёл :

– Ты был там? Зачем?

– Там – девушка молится...

– Она верит...

– Ей лет семнадцать...

– Пойдём! – тянет она его руку прочь.

– Милка, поедем с нами?

– С кем? И куда?

– На озеро. На машине. Отец, его жена. Вадя будет. Здесь недалеко в лесу есть озеро. Поедешь?

– Неудобно ... – останавливается она. – Я хотела пригласить тебя кататься на водных велосипедах по озеру!..

– Почему же неудобно, Милка?

– Просто, неудобно, – и пук волос переваливается из стороны в сторону оттого, что она качает головой.

– Я обещал «своим» сегодня поехать. Ну, пожалуйста. А отец у меня – как бобёр – он тебе понравится. Поедем!

Она думает, опустив глаза.

– Ладно, но нужно зайти, сказать маме, чтобы она не волновалась. И взять кое-что с собой.... Давай сделаем так: через двадцать минут ты жди меня здесь?

– Да, Милка.

– Тогда я побежала, – махнула она рукой.

Затем, обернувшись, добавила :

– Не смотри...

Антон сел на скамейку и закурил, провожая её взглядом. Ни о чём не думалось – только смотреть ей вслед.

Она появляется в платье, усыпанном сиреневыми цветами, волосы растрепались, в руках небольшой пакет :

– Вот и я! Пошли, Тонка.

Она во второй раз за сегодняшнее утро произносит его имя.

– Пошли, Милка.

Когда они подходят к кемпингу, она берёт его за руку :

– Ты иди, скажи своим, а я потом подойду...

– Милка, – он глядит на неё, – я так не могу. Пошли вме-

сте.

Они подходят к палатке вместе, из неё выходит его отец :

– Пася, это – Людмила. Если она поедет с нами... Это возможно?

Тот внимательно разглядывает её, она представляется :

– Людмила.

Он – тоже, и говорит :

– Что ж, места в машине хватит.

Появляется Вадим с матерью :

– Привет, Милка! Ты с нами? – приветствует её Вадим.

– Привет, – видно ей несколько не по себе.

Остальным, отчасти, тоже.

– Так ты едешь с нами? – переспрашивает Вадим.

– Если это возможно, – отвечает она.

– Конечно, возможно! – видно, он рад увеличению компании.

Антон всё это время стоит в стороне и с любопытством наблюдает за всем происходящим.

– Ну, тогда поехали? – глядит на жену отец Антона.

– Поехали, – соглашается та...

Они усаживаются в машине так, что Милка оказывается на заднем сиденье между Вадимом и Антоном; её плечо касается его плеча, и он мягко трётся о него. Она глядит украдкой – он немеет – и только смотрит в её глаза. Она отворачивается. И, чтобы скрыть неловкость, заговаривает с Вадимом.

Машина трогается – и кемпинг с палаткой медленно растворяются сзади в тумане. Мелькают повороты, светофоры. Затем город плавно переходит в лес: деревьев становится всё больше и больше – и вот среди них уже не видно домов.

Антон в зеркало заднего вида иногда ловит на себе внимательный взгляд отца... и отворачивается.

Машина сворачивает на грунтовую дорогу, сосновые ветки цепляют её, обступают со всех сторон. Мелькает указатель « Лишкява». И сразу за поворотом появляется озеро: вода на вид холодная, тяжёлая... и кристально чистая.

– Такую воду, наверное, можно смело пить.

– Что они и делают.

И долго маячит в глазах фигура литовца, повстречавшегося по дороге: не злой – не добрый, устремленный на машину, взгляд. Взгляд птицы, сидящей возле своего гнезда, на проходящего мимо – не разорит ли?..

На землю расстелены покрывала – все ложатся загорать.

Милка садится, обняв колени руками, и смотрит вокруг.

– Эй, может, в карты на купание? Мила? – Вадим рукой отбрасывает длинные выющиеся каштановые волосы назад.

– Давай, – легко соглашается та. – Антон?

– Я – сейчас! – отвечает Антон и с разбегу ныряет в озеро.

Озеро глубокое. Антон глядит вниз – под ногами, метрах в пяти колышется трава, плавают рыбки, ползёт по камням рак ... Ощущение, что воды нет – до того она прозрачна!..

Отсюда видно, как Милка играет с Вадимом: вот она бро-

сает карты и идёт к озеру – и плывёт к нему!

– Какая холодная вода! – выдыхает она, подплыв ближе. – Он меня обыграл!..Первый раз купаюсь тут в озере! В Немане по сравнению с этой – прямо парное молоко!

– Пойдём за земляникой? —предлагает ей Антон.

– Пойдём поскорее! А-то у меня уже ноги сводит от холода!

Они выбираютя на берег, взявшись за руки, и идут к Вадиму.

– А что, здесь есть земляника? – спрашивает Антона Милка.

– Отец говорил, что есть.

Вадим встаёт и, проходя мимо них к воде, спрашивает :

– Как вода?

– Холоднющая! – отвечает Милка.

– Пася, – спрашивает Антон у отца, сидящего на надувном матрасе и настраивающего удочку для рыбалки, – ты говорил, что здесь море земляники?

– Ну, море-не море, а есть.

– Где?

– А вон там на пригорке за соснами! – он показывает рукой себе за спину. – Во всяком случае, в прошлом году было много.

Антон медленно идёт к лесу. Останавливается в тени сосны и прижимается щекой к пахнущей смолой коре.

Милка идёт за ним. Подойдя, осторожно снимает у него со щеки прилипшую чешуйку.

Они идут среди нависающих лап сосен, иногда задевают их.

Внезапно перед ними открывается на бугре небольшая, залитая солнцем, поляна с клевером – они входят в неё и останавливаются.

– Как здесь хорошо! – шепчет Милка.

И садятся в клевер. Она охватывает колени руками и прячет в них свою голову так, что рассыпавшиеся волосы укрывают её руки и колени.

– На часах нет света, и скоро уж восемь.

Подходит к очень солнечной станции «лето» очень грустный поезд «осень».

Стоянка – одна минута, а за ней – холодная скука.

Я верю тебе почему-то. И Весна в этом мне – порука.

– Это ты придумал, Тонка?

– Да.

– Сейчас?

– Да.

– Знаешь, мне нравится ... Это мне?

– Если тебе нравится – тебе...

– А ещё что-нибудь можно?

– А больше нет ничего...

– Ты не писал до меня?

– Мне кажется, что до тебя меня и не было.

– Я запутываюсь в твои сети...

Её губы пытаются ещё что-то сказать, но он не может разоб-
раться – что?! Он кроме них уже ничего не видит...

И никого вокруг. Только клевер.

– Милка, Милка моя, – шепчет он.

– Тонка...

Он гладит её волосы, касается пальцами её губ, ресниц,
шеи; она закрывает глаза, опустив руки, и замирает...

– Сколько мы уже здесь?

– Не знаю.

– Наверное, пора возвращаться. Как-то нехорошо полу-
чается: ушли куда-то вдвоём... и пропали! – Улыбается она
несмело. – Они, верно, ищут нас.

– Если бы искали, давно бы уже нашли. А если бы не ис-
кали, мы бы остались навсегда вдвоём.

– Мне хорошо с тобой, Тонка! Легко и просто. Ты – ми-
лый...

– А где же земляника? – спрашивает отец Антона, когда
они возвращаются.

– А её там не было, – отвечает Антон, – только клевер.

– Вы не дошли. Как раз за клевером и была земляничная
поляна...

Лето накладывает на всё свои летние законы: когда тепло,

не думаешь о холоде, о зиме, кажется, этого никогда не будет. Может, так оно и есть на самом деле.

Когда тепло, холод прячется глубоко в земле – он затаился и ждёт. Хочется верить, что напрасно.

Он – жалкий и сморщенный, этот старик в рваном кафтане. Но он есть...

Нет! Его нет!

Есть только солнце – оно и правит миром. Миром добра и памяти...

Уже в сумерках они возвращаются в город.

– Анатолий Иванович, – касается Милка плеча отца Антона, – вы не могли бы остановиться вон там, сразу за поворотом?

– Здесь?

– Да, если можно...

– Можно...

– Я провожу, – выходит вслед за Людмилой Антон.

– Долго не задерживайся, – бросает вслед ему отец, кивая головой на « до свиданья» Милки.

– Он у тебя строгий, – то ли спрашивает, то ли утверждает Милка.

– Мне иногда кажется, что ему всё равно. Просто так положено ... А почему ты решила выйти здесь?

– Не говори ничего! – берёт она его за руку и куда-то тащит. – Ты всё увидишь сам сейчас!

– Милка, я уже был тут один раз! – останавливается Тон-

ка. – Вот и речушка эта ... забыл, как называется!

– Рат-ни-чё-ле, – по слогам выговаривает она. – Не говори ничего! Молчи! Ну, пожалуйста!.. Вот, пришли! – наконец-то останавливается она.

– А ... – пытается он что-то сказать.

Но она обвивает его шею руками и, закрыв глаза, целует. Долго, долго...

Растерявшись, он стоит и смотрит, как она уходит, не поворачиваясь, лицом к нему, сложив возле губ ладошки одна к одной, пока не исчезает в темноте.

Он поднимает глаза вверх: слева от него возвышается памятник – высокий человек с развевающимися волосами стоит на лире. Огоньками вспыхивает надпись: М.К.Ч...Гаснет...

...Что-то большое и тёплое поселяется внутри... и уже не уйдёт оттуда никогда!

Никогда?

Никогда!

5

Утро солнечное.

Пять дней подряд. Может, тут совсем не бывает ненастных, дождливых дней?

Антон вышел из кемпинга... и остановился: куда идти? Милка вчера исчезла, не сказав ни слова А если она уехала?

Он не сможет её найти никогда!?

Зачем? Зачем тогда всё это было? А что было? – ничего не было!

Как на американских горках он покатился вниз – и впереди не было видно, чтобы рельсы поднимались вверх!..

Ноги вынесли его туда, где они вчера простились – но лишь редкие прохожие брели откуда-то (или куда-то) мимо, держа в руках кружки с сосками на ручках.

Он сел на скамейку и тут только заметил огромный дуб напротив с табличкой перед ним на лужайке: «Уважаемые отдыхающие! Не давайте белкам много сладкого. От этого они могут умереть!»

По стволу дуба спускалась вниз белка. Из-за ствола за ней следила ещё одна.

По дорожке к ним бежал мальчик лет трёх-четырёх с шоколадкой в руке.

За дубом на поляне стоял памятник Чюрлёнису. Он смотрел куда-то в сторону Немана и белки с мальчиком его интересовали мало.

У памятника стояла Милка и улыбалась ему!

Антон оглянулся по сторонам – никого! Значит —ему!? Или мальчику?

– Привет, Тонка! – она радостно замахала ему рукой и побежала навстречу. Он встал. И она с разбега попала к нему в объятия!

– Можно тебя поцеловать?

– А если кто-то увидит?

– Теперь можно!

– А вчера?

– А вчера ещё было нельзя!

На Милке был летний голубой сарафан. Её тело блестело на солнце. Волосы вновь были свиты в тугой узел наверху и под своей тяжестью оседали. Одна прядь выбилась и щекотала ей нос.

– Пойдём куда-нибудь?

– Куда?

– А, всё равно! Лишь бы с тобой!

Они пошли тропинкой вдоль Немана, которая увела их из Друскининкая и вывела на просёлочную дорогу, тянущуюся вдоль поля.

Антон набрал горсть ярко-красной малины, росшей у дороги, и протянул её Милке.

Она подставила ладошку. Из-под ресниц поглядывая на него, осторожно брала губами ягоду за ягодой, пока не съела всю.

Дорога свернула в небольшой приречный лес – сосны, поросшие кустарником. Он скрыл оставшийся позади кемпинг и горевшую желтизной палатку. Люди отсюда казались маленькими, движенья их расплывчатыми.

Они оказались на крохотной полянке возле воды :

– По-моему, мы пришли, Милка! Жарко – давай искупаемся?

– Здесь? – только и спросила она. – Но, глянь: вон, на том берегу, дом. И лошадь пасётся. Нас увидят... Хотелось, чтоб вообще никого!

– Но там нет никого. А лошадь – она ничего не увидит, она слепая.

– Откуда ты знаешь?...Лодка! – радостно воскликнула она. И побежала к реке, где на отмели стояла рыбацкая постройка.

– Как здорово, Тонка, смотри! – она села на её край, подняв сарафан выше колен и болтая ногами в воде.

– Здорово, – ещё раз произнесла она, – иди сюда.

И протянула ему руку, привстав. Он подал ей свою, когда она вскрикнула :

– Ой!

– Что случилось, Милка?! Что с тобой?

– Нет, ничего, – морщась ответила она, – это всё колено моё. Я ведь в детстве занималась гимнастикой.

Одной рукой она держалась за ногу, а другую оставила у Антона :

– Это связки. Они часто меня подводят... Это сейчас пройдёт. Не бойся, глупый!

Она стала выпрямляться, прогнувшись в талии. И, наконец, поднялась, выдохнув :

– Уф, всё! Всё уже нормально, Тонка. Всё хорошо. Пошли загорать!

Они стояли друг против друга и медленно раздевались:

сарафан мягко спал с её плеч и лёг у ног. Она стояла перед ним в таком же, как и сарафан, голубом купальнике. И тесёмки уходили из-под подмышек за шею и скрывались в густых волосах, струившихся по плечам. Он снял джинсы и рубашку, не отрывая от неё взгляда.

Её рот был приоткрыт, она тоже смотрела на него не отрываясь.

– Давай загорать! – решительно произнесла она и легла на расстеленное полотенце.

По небу плыли облака: воздушные, невесомые и прозрачные, как летняя паутина. Они струились тончайшими нитями, не закрывая солнца, а переливаясь в его лучах. От реки исходил приятный холодок, от травы – пьянящий запах. На стремнине вода бурлила и шумела. На противоположном берегу лошадь опустила на колени... и завалилась на сено, заржав. По руке медленно ползла божья коровка, розовая в желтых пятнах, со сложенными крыльями. Он поднял руку – она взобралась на самый верх и, подумав, улетела.

Антон посмотрел на свою руку, перевёл взгляд на Милку и пальцем коснулся её кожи. Она вздрогнула, но не подняла головы. Он погладил её – от прикосновения причёска её рассыпалась, и некоторые пряди скользнули подмышки, обнажив корни волос и узелок купальника.

– Милка, – позвал он, – Милка...

– Что, Тонка? – также тихо ответила она.

– Пошли, искупаемся, – он коснулся губами её плеча.

– Жарко... Пошли.

Встала и пошла, не оглядываясь, прошептав перед собой:

« Ты мне нравишься «... Слышал ли он это?»

Подойдя к воде, она смело зашла по щиколотку и повернулась :

– Что же ты?

Антон потрогал ногой воду и поёжился.

– Какой же ты трусишка! – рассмеялась она. – Иди же!

И плеснула на него водой.

– Что ты делаешь, Милка?!

– Ну, иди же сюда!

– Ты мне лучше не мешай, хорошо? Я – сам.

– Ладно. Только ты побыстрее, а то я замёрзну.

Набравшись смелости, подняв плечи, он зашагал вперёд, надувая щеки.

Течением их гнало навстречу, они сталкивались, находили руки друг друга – и кружились, кружились, кружились в этом водовороте.

Потом она сидела на корме лодки, а он легко раскачивал её. И волны уходили по реке вдаль. А она задумчиво бросала камешки, глядя на расходящиеся круги.

Выбравшись на берег, она легла на полотенце животом. С капельками на ресницах, он присел возле и погладил её волосы, шепча :

– Милка, Милка...

Она молчала.

Он целовал её спину, волосы, руки; она ёжилась, притихнув, затаившись, боясь пошевелиться.

Рука Антона коснулась узелка на её шее – и потянув за конец шнурка, он распустил тесёмки купальника.

Она подняла голову :

– Зачем, Тонка?

– Зачем ты его развязал?

– Ах, этот узелок, – он улыбнулся, – у тебя останется белая полоска – ты будешь некрасивой...

– Тонка, – только и сказала она, прикусив губу, но не отвернулась.

– Милка, можно я тебя поцелую?

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Нельзя. И всё.

Она потянулась ртом к нему – их губы слились, руки сплелись. Он приподнял её – и она легла к нему на грудь.

Она повела плечами и вжалась в него.

Затем отстранилась и, закрывшись руками, вновь легла на полотенце.

Антон взял её за плечи и перевернул на спину. От неожиданности и от стеснения она приподнялась и, обвив его шею руками, уткнулась носом ему в грудь.

Он отстранил её – губы у неё были приоткрыты :

– Эта лошадь ... всё время подсматривает за нами, – про-

шептала она, – вот и сейчас смотрит!.

– Пускай смотрит! Я же говорил, она – слепая!

– Мне стыдно...

– Я видел, как старый литовец выводил её... А один раз, когда бросил и ушёл, она заржала и замотала головой, не зная, куда идти.

– Мне кажется, что ты врёшь...

Они сидели на коленях друг перед другом, и она смотрела на него из-за волос своих, как из-за ширмы. Её груди раздвигали этот поток, и он касался губами этих розовых глаз её тела... и немел. А она гладила его волосы и шептала :

– То- о- нка...

И текла вокруг них вода Леты, вода Времени, вода Лета. Они стояли под этим потоком и замирали под его холодными струями.

«... – Д о т е х п о р , п о к а л ю д и б у д у т л ю б и т ь д р у г д р у г а ... к л я н у с ь т е б е ...»

Он сказал это или показалось, что сказал?

– А знаешь, Тонка, всего две недели назад я целовалась с другим...

– !?

– Я ведь не знала, что встречу тебя ... Тебя не было на этой земле! Понимаешь!? Даже в моих мыслях. Ты – как воробей, свалился на голову...

– Кто он?

– Его зовут Мишка. Он хороший. Мы познакомились в Минске в Доме Кино. Ходили компанией на «Сталкера». Он пошёл провожать меня... Сто лет до этого его знала, а тут почему-то поцеловались.

– Что же теперь?

– Теперь есть ты!.. Я не знаю, – она закрыла лицо руками, – я здесь даже не вспомнила о нём ни разу...

– А когда вернёшься в Минск, опять будешь встречаться с ним... и целоваться?

– Я не знаю...

– А я? Я ведь есть теперь! Или исчезну? Останусь маленькой тёплой точкой в памяти: нажмёшь – будет приятно – даже если и не вспомнишь...

– Это зло... Я – не такая. Не говори так!

– Я один знаю, какая ты!

– Между нами и не было ничего – только тот поцелуй...

Я ему скажу, он поймёт.

– Ему будет больно...

– А тебе?.. Всегда кому-то больно... Я тебя увижу после Друскининкая?!

– А ты захочешь меня увидеть?

– Я даже не представляю, как мы расстанемся!.. Со мной никогда так не было. Всегда было легко, просто и приятно, никогда ничего внутри не болело. Какая-то волшебная приятная боль... словно появилась ещё одна я... и, знаешь, она лучше! Она не может жить без тебя!

– И ты меня не забудешь?.. курортный роман..

– Я объясню ему... и не буду больше целоваться. Может, ему и не будет больно...

6

Скрипач играет самозабвенно.

Он уселся у обрыва на длинные и узловатые корни огромной сосны, которые образуют подобие кресла. Она словно держит его на ладони и шевелит пальцами. Создаётся впечатление: оторви его от этих корней – и он перестанет играть, не сможет!

Это – молодой еврей. Спутать невозможно. В смокинге. Его длинные курчавые каштановые волосы треплет ветер, помогая ему играть. На макушке проглядывает лысина. Глаза закрыты, хотя сбоку стоит пюпитр с нотными листами. Правда, ветер разбросал их по земле рядом. Но одна пожилая пара подобрала и бережно держит в руках, ожидая, когда он закончит играть.

Внизу бурлит и пенится мутная вода Немана.

Милка стоит, прижавшись спиной к Тонке, иногда задирая голову, чтобы посмотреть на него. Он прижимает покрепче её к себе за талию.

Скрипач последний раз делает взмах смычком – и пронзительный звук срывается со струн и улетает на реку к острову в тумане. Там, словно в ответ, мигают два огонька у са-

мой воды.

Раздаются аплодисменты. Он встаёт, кланяется смущенно и нагинаяется, чтобы поднять упавшие страницы.

– Вот ещё, возьмите, – протягивает седая женщина ему несколько листиков и жмёт ему руку, – вы играли чудесно, спасибо вам!

Он уходит. За ним расходятся и остальные.

Милка с Тонкой остаются одни.

– Давай сядем туда, где только что сидел он? – предлагает она.

– Давай! – соглашается он.

И тут они замечают среди корней сосны ещё один нотный листок. Антон достаёт его, а Милка говорит :

– Надо ему его отдать!

– Его нет! Я даже не знаю, куда он пошёл?

– Что же делать?

– Я думаю, – говорит Тонка, – он ещё сюда придёт – и мы его ему отдадим.

– А если он придёт тогда, когда нас здесь не будет?

– Тогда давай засунем его туда, где он и был. Если он ему дорог, он его там и найдёт!

– Ты – молодец, Тонка!

– Милка, а что это за остров виднеется там в тумане? Видишь, даже огоньки мигают. Я заметил. они мигали и тогда, когда он играл.

– Это – Остров Любви, Тонка ... Я совсем забыла! – она

хлопает себя ладонью по лбу. – Ты ведь не знаешь Чюрлёниса.

– Мы поплывём на этот остров?

– Наверное, нет, Тонка. Это Остров Любви Чюрлёниса, что нам там делать?

– Но кто-то ведь разжигает огни там у воды?

– И что?

Антон пожимает плечами: « как ты хочешь...»

– Тонка, а почему ты никогда не называешь мамой жену своего отца? Ведь она тебе не мама?

– Нет, Милка. Я приехал сюда с ними, потому что обещал. Он меня столько раз звал с собой!.. Они сюда ездят уже лет пять подряд. Здесь, говорят, вода лечебная...

– Ты не знал?! На всю страну известный курорт. Моя мама лечит здесь желудок. Тоже уже лет пять как...

– Почему я не приехал раньше?

– Они разошлись, Тонка? – спрашивает она неуверенно, словно боится перейти черту, грань, за которой может быть больно.

– Да, – отвечает он, – это было так давно... Мне был год или два... Так давно, что я не помню этого.

– Почему, Тонка?

– Я не знаю... Зачем-то это остаётся в памяти, а другое стирается... Даже не стирается, вообще не записывается. Ты прожил этот кусочек своей жизни, может быть важный для тебя (ты же не знаешь) ...и всё. Словно его и не было. Я пы-

таюсь вспомнить... но- нет. Что я чувствовал, о чём думал?.. И кто виноват из них – не знаю. Каждый до сих пор утверждает, что прав он, а виноват другой... Но я больше верю маме.

– И всё-таки ты его любишь...

– Да – люблю. А за что – не знаю. Наверное, не за что.

– Он тебе всё же отец...

– А только за это любят?

– Это тяжело?

– Сейчас уже не так. Когда был маленьким, это рвало меня на части. Я ведь жил то у мамы, то у отца. А потом... – он задумался. – А потом я, видимо, повзрослел. У меня появилась своя жизнь... Нет, не то, чтобы это ушло куда-то в сторону. Просто я стал относиться к этому спокойнее, что ли. Я много раз пытался помирить их, но это было выше моих сил... Таких сил вообще не существует в природе! И до сих пор они не говорят всего, всё ещё злы друг на друга. Похоже, будут злиться до конца жизни... Но отцу лучше сейчас и легче: у него жена, с которой ему хорошо. А у мамы всё наоборот: она всегда жила для других. Поначалу – для отца, потом -ради меня, теперь появился Санька, мой младший братишка. Я бы отдал ей всё, – он взял её за руку, глаза его горели болью, – но что у меня есть? Даже то, что могу – я не делаю. Я – плохой, Милка. И не спорь. Я часто бываю с нею не прав. Думаю только о себе ...А когда уезжаю куда-нибудь, она становится ближе... Почему так?

– Тонка, у тебя здесь седые волосы, – коснулась она его виска, – почему?

– Видно, уже пора. Это – моя память.

– Они мягкие и белые-белые... Седой Тонка, – улыбнулась она грустно, нежно глядя на него, – Тонка?

– Что, Милка?

– Можно, я тебя поцелую?

– Можно, Милка, – улыбнулся он.

– ...Знаешь, – проговорила она, отстранившись, – а я жила хорошо! У меня есть старший брат. Он всегда защищал меня, он вытащил меня в институт, всегда помогал мне.

– С братом лучше... Вдвоём всегда лучше.

– И мама с папой всегда были дружны, сколько их помню. Они – всегда вместе. Ни разу не видела, чтобы они не только ругались, а даже голос друг на друга повышали!..

Поздним вечером они возвращались к её дому. Они шли, обнявшись, по пустынной алее, и деревья из тумана пытались своими ветвями дотянуться до них, дотронуться.

Вдруг справа, со стороны оврага, послышался шорох ... и писк!

Милка от неожиданности отшатнулась и чуть было не упала :

– Что это, Тонка?!

Он подхватил её :

– Не знаю!.. Давай, посмотрим!?

– Давай! А, может, не надо?.. Давай!

И они, осторожно ступая по траве, дошли до дерева и в темноте разглядели это « что-то».

Присев, Милка воскликнула :

– Тонка – смотри! – ёжик.

Ёж, высунув влажный нос, смотрел храбро на них чёрными поблёскивающими бусинками глаз и кряхтел.

Милка сняла кофту, обернула ежа, взяла на руки и вынесла к фонарю :

– Слушай, он такой хороший! Тонка, погляди!

– Милка, а вдруг он бежал домой и хотел удрать от нас, увидев, что мы его заметили?

– Но ведь мы же его отпустим...

Она перевернула ежа на спину – тот неуклюже разогнулся и нелепо заболтал крошечными лапками. Но тотчас же изловчился, свернулся в клубок и затих.

Мимо них прошли мама с дочкой. По-видимому, они гуляли перед сном – вечер был тихий и тёплый. Такой, когда слышно, как шевелится лист на дереве, как стучит сердце, как отдаётся в голове каждый шаг.

– Покажем его им? – предложила Милка.

– Давай.

– Смотрите, что у нас есть! – подбежав вместе с Антоном,

протянула Милка колкий комочек девочке.

– Ой, мама, ёжик! – всплеснула та руками. – Где вы его взяли?!

– Правда, красивый ёжик? – наклонилась к дочери мать.

– Красивый, красивый! – захлопала та в ладоши.

И тишина разнесла эхо по улицам.

– Давай возьмём его себе, ма?!

– Нет, нельзя, доча. Ему тоже нужно домой. Он ведь спешил к своим деткам. Они не уснут, пока он не вернётся.

– ...Тогда давайте отпустим его, – подумав, согласилась она. – Где вы его нашли?

Антон и женщина остались на дороге одни. Они переглянулись – и она улыбнулась.

– Мама, мама, – слышалось из темноты, – он убежал!

Он ведь побежал к себе, правда?

– Ну, куда же ещё! – и женщина ещё раз улыбнулась ему.

Милка с девочкой вынырнули из тумана на аллею, и девочка тут же вцепилась в руку матери.

– Хочешь домой? – наклонилась та к ней.

– Да, – с дрожью в голосе произнесла девочка.

– Спасибо вам! Храни вас Бог, – сказала женщина.

И они ушли.

– Тонка, за что она нам сказала спасибо?

...

На улице,
совершенно чужая,
вдруг улыбается мне навстречу.
Я тоже смеюсь,
как восьмилетний мальчик,
у которого за плечами лишь солнце.
Хотя абсолютно
не стою
даже этой улыбки.
Это любовь?

– Тонка! – Милка машет Антону рукой и смеётся счастливо.

На ней этим утром всё белое: белые брюки, белая кружевная рубашка, на шее – бусы из белых камней, на ногах – белые матерчатые туфли.

– Ты что-то говорил?

– Тебе показалось! – он заражается её смехом.

На нём – джинсы и белая индийская рубашка из хлопка.

– Я же видела!.. Ты знал?!

– Что?

– Тонка, сегодня мы пойдём к Чюрлёнису!

– ?!

Они идут по узкой асфальтированной дороге вдоль небольших одноэтажных домиков.

– Милка, мы же тут были, когда ездили на озеро! – он берёт её за руку.

– Узнал? И даже не догадывался, что здесь совсем рядом Чюрлёнис!

Впереди они замечают очередь. Это довольно удивительно здесь – очередь! Люди, их не много – может, человек двадцать, – стоят друг за другом на узком тротуаре.

– Это так недалеко от кемпинга, Милка, – говорит Антон.

– Тут всё недалеко, Тонка!

Они встают в очередь и медленно двигаются вперёд почти синхронно со всеми остальными ко входу.

Рядом со входом сидит пожилой литовец и продаёт яблоки. Лето, и приезжие их охотно берут. Поэтому каждый раз к открытию он выносит скамейку, садится и ждёт. И наблюдает.

Среди пришедших есть и литовцы: это старенькая бабуля с внучкой. Их нетрудно отличить по внешнему виду. Даже со спины.

Время от времени старушка оборачивается и смотрит на них и улыбается, а потом что-то бормочет рядом стоящей внучке. Та оглядывается на них.

– Лаба дена, – говорит Антон.

Старушка отводит глаза, а девчонка фыркает!

– Ты что?! – дёргает его за руку Милка.

– Я здороваюсь, – отвечает Антон.

– Ты говоришь « добрый день!», а нужно « доброе утро –

лабас ритас!»

И вот они внутри маленького домика. В прихожей стоит седой литовец лет сорока и показывает, куда нужно идти, где начинается экспозиция.

Сбоку от него стоит пианино, за которым собирается играть девушка лет двадцати в национальной литовской одежде. Интересно, но волосы у неё седые. Или она так покрасила их?

Фотографии: Друскининкай, Варена, Варшава ... Родители, жена, дети...

Музыка, как и его картины, возникает неожиданно :

...Из ничего появляется огромная полупрозрачная изумрудная волна, и на самой её бледно-розовой верхушке качается рыбацкое судёнышко с парусом, наполненным ветром, напрягшееся изо всех своих последних сил навстречу поднимающемуся урагану. Музыка нарастает и... ухает вниз, разбрасывая блестящие снопы искр, брызг. А внизу, в подводном замке, на самом краю пропасти стоит полуангел – получеловек и простирает крылья навстречу звёздному пути, параллельному жизненной линии; и одна из звёздочек, сверкнув алым, катится в невиданные цветы в деревьях, распустившихся на глазах из звуков и нот.

И несётся чёрный ангел, демон, сложив крылья, ввысь, оставляя полосы температуры за собой, подняв голову так, что его острый подбородок почти заслоняет лицо... Остро очерченный полукруг...

Остро очерченный полукруг голубого шара, на который, словно огромные голубые лучи, несутся глаза памяти и добра от кручи лба, расходясь из двух точек под надбровными дугами.

И в полной темноте, освещая загадочными, сказочными бликами лицо, вырываются искры-светляки – и снопом уносятся вверх; снопом, зажатым ладонями перед собой...

Истина разливается по чёрному, беззвёздному небу, уходя за пределы, где висит огненный шар, протянутый в знак дружбы в двух руках. И летит лицо в этих ладонях, светится хрустальный шар, горят глаза, кружатся вихри, музыка... замолкает.

Стрелец целится в орла, стоя на вершине горы, внизу которой текут тёплые реки...

И стоит Лев и ловит в мутных потоках Галактики Двух Рыб, которые скользят меж его когтей и ласкают подушечки лап.

А из-за башни, осыпанной, как разноцветным снегом, знаками зодиака, из левой глазницы вырывается яркий луч, расходясь всё шире и шире и растворяясь в безбрежности.

Что там, за этим проёмом, за этой стеной? Прошлое? Возврат?..Но к прошлому не может быть возврата...

«Все забывают... Нет. Просто не хотят возвращаться к этому, заново вспоминать...»

Покой. Стоит пошевелиться – и облетит пух с одуванчиков... Мальчик склонился над ними, сидя на освещенной лу-

жайке и заслоняя тишину от распростёршегося орла.

Розовая тишина-буря...

И вот из утреннего тумана вырастает остров – Остров Любви. Горят на его берегу два огонька, бросая тени-лучи, лучи-тени на поверхность воды, сгущая зелень, голубя даль.

Музыки почти нет, звук повисает над головой... и рассыпается в ладонях двух склонившихся над ним королей: блестят короны, озарены их лица, а вокруг шумит дикий незнакомый лес...

Анданте...

И врывается на смену сну – Весна! Нити струн рвутся от напора взбухшего снега, талой воды...

1901 – 1935...35 лет... Сказка королей продолжается даже после того, как короли просыпаются. И рассказывают они друг другу детские стишки, читают полустёршиеся надписи, вспоминают забытые тайны...

А весенняя вода брызгами летит в глаза, разбрасывая дивные шары-пузыри. Стоит только дунуть – и они лопнут... И исчезнут там, вверху, у подножия стройного ряда звёзд: М...К...Ч...

И плывут облака, тёмно-грязные снизу – и озаренные золотистым светом сверху, как корабли, приплывающие из далёких загоризонтных стран; они плывут над стеной с ослеплённым глазом, и стекает с их боков нежная задумчивая музыка... Звук замирает и падает каплей на остров – Остров Любви.

А облака плывут (их не остановить) – и расходятся из недостижимой точки за шаром белые лучи-мысли, озаряя и низ облаков золотистым светом...

Истина... Покой... Дружба... Любовь... Тишина...

Глаза – как тихий изумрудный океан... и вот он – Остров! Он лежит, как Сфинкс, и в то же время, стоит подуть северному холодному ветру – и он разлетится, как одуванчик, во все стороны. С двумя еле заметными огоньками у берега – огоньками-глазами.

А струны уже порвались, валяются обессиленные пальцы на клавиши, а музыка звучит! звучит!! звучит!!! Это уже и не музыка – это цветной сон забытых, оставленных только двоим, тайн...

А в крохотном дворике стоит его бюст – и всё!

А как передать остальное?

А что остаётся?!

На постаменте, на котором стоит бюст Чюрлёниса, внизу кто-то написал фломастером: «Юля + Витя = любовь»...

Когда они выходят, старая литовка с внучкой всё еще стоят у входа. Тонка с Милкой покупают яблоки у деда и предлагают им. Бабка берёт их и подносит к лицу. Вдыхает их запах и говорит им :

– Ачу!

Внучка переводит :

– Спасибо.

За эти слова можно умереть – живите вечно...

– Тонка, тебе понравилось? – шепчет Милка, прижавшись к нему плечом. Её волосы перетекают и на его плечо.

– Да, Милка, – отвечает он.

– И всё?

– А больше нет слов, Милка... У меня таких слов нет...

«...Есть особые мгновения, они не повторяются дважды в жизни... Мне не хочется, чтобы они прошли напрасно. Для того, чтобы выразить их, наиболее подходят короткие по форме песни, которые можно создавать быстро... Я пишу такие песни потому, что люблю жизнь...»

«...Хрустальный шар – вот всё, что я хочу! Чтоб был передо мной большой хрустальный шар, когда я думаю о людях...»

«...Так и есть, счастлив не буду...»

«...Ты не представляешь, как я горд, что мы, ты и я, находимся в положении, когда можем кое-что дать людям...»

«...Смеяться над мечтами своей юности не буду, они не были смешными...»

(Миколоюс Константинас Чюрлёнис)

– Тонка, нам нужно расстаться!

– ?!

– Фу... извини! Мне нужно сходить к маме часа на два, вот что я имела в виду.

– Я так ничего и не понял...

– Это хорошо, что ты пока ничего не понял...

Вездесущие старушки и хозяйки спуют по улицам, отдыхающие, любящие свежий воздух (полезный!), то и дело попадают ему по дороге в кемпинг. Но на полпути он останавливается и возвращается к её дому.

Антон смотрит на окна её квартиры. Она – за ними, но ничего не видно. Он прислоняется щекой к афише и ждёт...

Она выбегает из подъезда: на ресницах блестят капельки воды. И тонкие пряди прилипли к мокрому лбу.

– Тонка, вот и я, – шепчет она, прижимаясь к его щеке своей.

Он стоит и смотрит на неё... и молчит.

– Пошли! – тянет она его. – Пошли загорать, Тонка!.. У тебя всё с собой?

Он кивает головой.

– Ну, что же ты?!

И, взяв его за плечи, торопливо оглянувшись и закрыв глаза, подставляет свои губы.

Их губы горячие и сухие – и прилипают друг к другу.

Она открывает глаза – ресницы её высохли – ещё раз целует его, привстав на носки, и проводит пальцами по его губам. Берёт за руку – и они идут к городскому пляжу.

– Твоя мама видела меня? – спрашивает он.

– Нет, Тонка, не видела. Но её очень интересует, с кем это я пропадаю целыми днями, – прищурив глаза, плутовато поглядывает она на него.

– А ты пропадаешь со мной... Никому тебя не отдаю.

– Ты – эгоист.

– Но ведь эгоист – это лишь для себя. А мне ничего не надо.

– Так уж и ничего?

– Только ты.

– Пойдём, Тонка, пойдём, – тянет она его за руку, вся сияя и искрясь.

На пляже уже жарко, но немногочисленно. Скоро здесь будет не протолкнуться, а пока... лес ещё дышит утренней прохладой.

Лето и счастье.

Счастье, что ты понимаешь это.

Счастье, что ты не понимаешь ничего.

Милка через голову стягивает рубашку, волосы падают на её плечи, закрывают лицо. Она рукой отбрасывает их назад, но они опять непослушно ползут на глаза. Милка запрокидывает голову и трясёт ею.

– Вот здесь мы и будем загорать! – она бросает сумку на песок.

Кафе возле пляжа закрыто на перерыв.

Расстелив большое махровое полотенце, Милка укладывается на него животом. Её голубой купальник ещё больше подчёркивает загар.

Тонка, присев рядом, проводит пальцем по её спине.

Затем уходит к реке. Возвращаясь и проходя мимо лодоч-

ной станции, он почти сталкивается лицом к лицу с парнем, который был тогда с Милкой на танцах и с которым она ушла тогда. Их взгляды встречаются... Парень как-то нервно отбрасывает рукой копну светлых волос назад и равнодушно, не узнав Антона, проходит мимо, насвистывая что-то...

Поджав под себя ноги и положив руки на колени, Милка смотрит, как Антон приближается.

– Тонка, где ты пропал?! Я испугалась, что ты ушёл.

– Я гулял, Милка... Знаешь, здесь так красиво!

Он садится рядом :

– Милка, я хочу быть только с тобой.

– И я – только с тобой.

– Давай уйдём отсюда?

– Куда?

– На наш пляж.

И опять она глядит на него так, что у него замирает всё внутри.

– Да. Давай уйдём на наш пляж... Но там на другом берегу дом... и лошадь! – хохочет она.

– Я думаю, она не станет подглядывать.

– Давай так скажем...

Проходя по мосту, Милка внезапно оборачивается и говорит :

– Тонка, я сегодня видела Витаса. Он подходил ко мне.

– Кто это?

– Ох, совсем забыла... Это тот ... – она ищет слова. –

С кем я была на танцах тогда. Помнишь?

– Я тоже видел его... И что?

– Мы с ним почти и не разговаривали. Он только подошёл... Наверное, видел тебя. Он сказал: «Теперь у тебя есть время...» И ушёл.

Она ответила на немой вопрос Антона :

– Он часто звал меня с собой: позагорать, съездить на Остров. А я отвечала, что у меня совсем нет времени. Что маме будет одиноко без меня.

И она вновь посмотрела на него.

– Теперь у тебя есть время... – ответил он словами Витаса.

– Да, Тонка... Теперь есть.

– Тонка, смотри, – приподнимает она на ладони тяжёлую пушистую и колкую лапу сосны, – она пахнет!

– Милка, – вдыхает он запах хвои, – они все, вроде, вместе, но почти всегда две из них жмутся ближе друг к другу.

– Как мы с тобой, Тонка, – глядит она в его глаза, – правда?

– Правда, – обнимает он её за плечи и притягивает к себе...

Антон с Милкой идут по противоположным обочинам дороги, глядя на появляющиеся в сухом, пыльном песке следы: следы от машин, от собак, от людей, от птиц. От времени.

Он поглядывает в её сторону, но она не отрывает взгляда от дороги. Он переходит на её обочину. Милка идёт впереди, он – за ней, ступая по её следам, как сапёр.

Рубашка выбивается у неё из шорт, которые плотно облегают её фигуру. Она оглядывается через плечо... и пускается бежать!

Он легко догоняет её. Милка, тяжело дыша, убирает со лба прядь волос и всматривается в него... протягивает ему руки. Он целует их и берёт в свои.

Милка обнимает его за талию, он её – за плечи. Так они идут к их пляжу, касаясь бёдрами.

– Тонка, лошадь опять здесь, – кивает она головой на противоположный берег.

И начинает раздеваться: рубашку она снимает через голову, расстёгивает замок на шортах – и они падают к её ногам.

Он тоже раздевается и подходит к ней.

Милка обвивает его шею одной рукой, другой зарывается в его густых выгоревших волосах... и замирает.

Лошадь с той стороны жуёт траву и смотрит на них.

«Интересно, о чём думают лошади?»

Кто-то сказал: когда тебе хорошо, ты никогда не думаешь, что где-то кому-то плохо.

Когда тебе плохо, ты думаешь: где-то кому-то хорошо...

— — —
...

Первый день весны...

(ну и что же!?)

Это ни на что не похоже!

Первый день после зимы...

А что, обязательно весны?

Может, за зимой ещё что-то есть,

Может, последняя зимняя месь,

Когда распускающиеся почки

Вдруг начинает морозом есть.

Когда не нужен

Ни крестный ход,

Ни сам крест.

Зима окрест.

И до весны

Ещё, бог весть,

Сколько дней пути.

Но к ней —

Рано или поздно —

Дойдёшь даже ты.

Хотя,

Возможно,

И не по праву.

Придумали же весну!..

Как забаву.

Милка ложится на спину и закрывает глаза.

Антон уходит. Возвращается с целым букетом земляники: она – то бледно-розовая, то бордово-красная. И сама тает во рту.

Милка приподнимается на локтях и берёт губами ягоды. Губы её краснеют, на них блестит сок. Одна капля срывается и падает ей на грудь.

– Милка, можно я тебя поцелую? – смотрит он на эту каплю.

– Тонка, – улыбается она и, убрав локти, опускается на полотенце.

Не разрывая поцелуя, они перекатываются несколько раз, скатываются с полотенца. Она оказывается на нём. Он убирает руки – и она вжимается в него.

По небу несутся прозрачные облака. Солнце золотит их и наполняет ветром. А ещё выше, над ними, какой-то огромный космический паук выткал покрывало из паутины и набросил его на голубое небо. А сам спрятался в чёрной дыре... Где ж ещё?!

– Это Чюрлёнис! – шепчет Милка. – Интересно, в его время небо было такое же?

Они поднимаются разом и садятся друг против друга на колени.

Она закрывает грудь руками. Он берёт их и отводит в стороны.

...И вдруг она обвивает его шею и, пряча лицо, шепчет горячо ему в грудь :

– Лошадь!.. Она всё время смотрит на нас.

– Господи, зачем ты такая, Милка?

– Какая, Тонка, ну, какая я?

– Зачем мы с тобой здесь встретились? – взяв её за плечи, смотрит он ей в глаза.

– Какая я, какая, Тонка?.. Мне с тобой очень, очень хорошо!

По небу проплывает большое светлое облако, подсвеченное снизу заходящим солнцем.

– Давай, сядем на него и уплывём далеко-далеко, где будем только ты и я, я... и ты. И никого, никого, никого больше!

– Давай...

– Тонка, ты совсем, как я, только у тебя бёдра уже, – разглядывает она его.

– Нет, я – хуже, но ты – со мной.

– С тобой, Тонка...

Возвращаясь, они выхрдят на небольшую поляну среди молодых сосен. В центре – ровный прямоугольник серого мрамора, а над ним возвышается крест из обожженного дерева. Полукругом – могилы поменьше. На них – полузасох-

шие цветы. Возле креста – упавший стакан со свечой.

Лучи солнца не проникают сюда. И тишина лишь усиливает чувство чего-то нехорошего, неправильного. Бывает такое: всё хорошо, даже отлично, а вот в душе... беспокойно как-то. И как будто ты в чём-то виноват.

– Почему они такие мрачные, Тонка?

– Хочешь, расскажу?

– Нет... Уйдём отсюда! – тянет она его за руку.

Потом возвращается и кладёт на большую могилу несколько голубых полевых цветов.

Они выходят на дорогу: тут ярко светит солнце, и чем-то нереальным, придуманным кажется то, что они только что видели.

– Вот теперь расскажи.

– Во время войны здесь стоял наш госпиталь, – начинает он. – Какой-то там части. Человек тридцать. Небольшой. Естественно, прибывали раненные. Был медперсонал... И вот как-то ночью литовцы проникли в этот самый госпиталь и вырезали всех... Те литовцы, что были за немцев. Или, может, против нас... Вот такая грустная история.

А уже после войны и поставили этот памятник... И местные сами и ухаживают за ним.

...Наступает вечер. Он всегда наступает, как бы мы этого не хотели. Но этот вечер особый. Ощущение, что вот-вот что-то произойдёт... или случится... пускай лучше произойдёт!

Ветер едва колышет ветви деревьев и гонит темноту по длинным аллеям парка.

Они идут, слушая, как шумит Ратничеле, не прекращающая своего бега даже в этой темноте, сглаживающая острые выступы и находящая новые.

А среди густых, раскинувших мягкие лапы, елей стоит Чюрлёнис и, сложив руки, внимательно наблюдает за ними, за всеми...

Не наблюдает. Смотрит.

И снова из угла окна-глаза вырывается нестерпимо яркий луч...

Прошлое? – Но прошлого нет.

Есть только память, от которой снятся сны. Сны в снах.

– Тонка, – шепчет Милка, – мне нужно позвонить домой, в Минск. Пойдём. Я думаю, это будет недолго.

Они входят на мост – он выгнулся от времени и, как радуга, повис над водой. Они останавливаются посередине и целуются. Тонка чувствует спиной перила моста, а за ними – пустоту!

Когда мимо проходят отдыхающие, Милка прячет лицо у него на груди, а он шепчет ей в волосы: «Ми-и-лка»...

Потом она звонит домой, и он видит её искажённый стеклом профиль, до него долетают обрывки фраз.

Она выходит и говорит ему уже на ходу :

– Через два дня мы с мамой уже будем дома, в Минске...

– Остаётся всего два дня...

– Я звонила папе – он нас очень ждёт!..

– Курортный роман заканчивается ...А если я приеду?

– Приезжай, Тонка ...Когда бы ты не приехал, я всегда буду тебе рада!

Из-за деревьев выползает большая круглая жёлтая луна.

– Полнолуние ...Сегодня же полнолуние! Тонка! – Милка хватается за него в страхе. – Вампиры и оборотни кругом. Мне страшно!

– Постой! – он освобождается из её объятий и нагинается, что-то ища в траве.

– Ты что?!

– Вот! – на его ладони горит светлячок-червячок. – С ним они нам не страшны! Он нас обережёт.

– До свиданья, Тонка, до завтра, – она закрывает свои губы ладонью, а он целует её ладонь.

Потом она сама находит его губы, не давая ему сказать ни слова.

– Ты не оборачивайся, когда пойдёшь. Хорошо? – просит она его на прощание.

– Хорошо.

– Я хочу тебе присниться, – говорит она шёпотом.

Но он не слышит.

...И всё же он оборачивается.

– Антоша, вставай! Вставай, мой сладенький! – теребит за плечо его бабушка.

– Ну, ба!..ну, ещё чуть-чуть, – он переворачивается на другой бок и пытается спрятаться от неё в одеяле.

– Встава-ай!

Он открывает глаза – над ним склонился отец! Сон тает, и вот она – палатка, кемпинг, Друскин!.. Милка!

У него ведь есть Милка!!!

– Сходи за молоком и хлебом, – говорит ему отец.

– Сейчас, пася, уже иду, – садится он на раскладушке и трёт глаза.

До ближайшего киоска метров сто – сто пятьдесят. Это сарай из грубо сколоченных досок, наспех покрытых суриком, во многих местах уже успевших облупиться.

В очереди – и приезжие, и литовцы. Литовская и русская речи перемешиваются и с поднимающимся кверху табачным дымом уносятся и тают в воздухе.

Внутри ларька на струганных дубовых досках лежит всякая всячина: хлеб, сыр, сырки, творог, сметана, сигареты, мыло, спички, рыба, молоко.

Хлеб (это, в основном, из-за него его послали в такую рань) лежит на отдельном столике. Он не магазинный, а самоделишный. Его пекут дома на огромном протвине, разжигая печь сухими дровами. Это не стандартные буханки, кругляши или вытянутые французские багеты. Он лежит высоким (сантиметров десять) пластом (полметра на полметра)

на тминных листьях. Его режут большим ножом и продают на вес.

Лица у многих заспанные, некоторые так и стоят с закрытыми глазами в очереди.

– Вы последний? – кто-то трогает его за плечо сзади.

– Я, – поворачивается он.

...Милка!

– Тонка! – изумляется она. – Ты... здесь? Я каждый день сюда хожу, но первый раз тебя встречаю!

– А меня только сегодня послали так рано.

– Вы последняя? – спрашивает её подошедшая накрашенная дама лет сорока.

– Я, – отвечает она.

Очередь двигается. Милка семенит за Антоном и утыкается ему в спину носом.

Им хватает и хлеба, и молока. Они отходят от ларька и прячутся в тени густой сосны.

– Что будем сегодня делать? – шёпотом спрашивает она.

Хотя вокруг – ни души!

– Я не знаю, – тоже шёпотом отвечает он. – Когда ты уедешь, я умру.

– Никто не умирает, потому что все уезжают...

– Ну, не все...

– Нет, все ...Пойдём к Королеве Ужей в «Лесную сказку»? – переводит она разговор на другую тему.

– Кто это?

– Всё тебе нужно знать заранее. Потерпи. Заходи за мной через час...

Город заканчивается Т-образным перекрёстком: справа – будка ГАИ, прямо – сосновый лес.

Милка берёт Антона за руку и говорит :

– Вот теперь слушай сказку о Королеве ужей :

Жили три сестры. Пошли они как-то купаться на озеро. Искупались, вышли, старшая и средняя оделись, а младшей в одежду забрался уж – и шипит! Говорит: – Обещай, что выйдешь за меня замуж, отдам одежду.

Сёстры посмеялись и ушли. Она до вечера не соглашалась, потом согласилась. Оделась и ушла домой.

Через девять дней за ней приползли ужи. Очень много. Отец с матерью не хотели отдавать её, говорят: – Ужи всё равно не знают, какая ты!

И отдали им гусыню. Но кукушка, когда те понесли её к озеру, накуковала им, что их обманули.

Они вернулись.

Да, младшую сестру звали Эгле.

Еще два раза родители Эгле пытались всучить им не то: давали овцу и корову.

Но хитрая кукушка открывала им глаза.

– Какая же она хитрая? – перебивает Милку Антон.

– Пусть не хитрая, – соглашается Милка.

– Вообще, увезли они Эгле. Она вышла замуж за ужа ...

Да, когда её привезли к озеру – он оборотился прекрасным

юношей! И забрал к себе в озеро.

Девять лет они жили в любви и счастье. Она родила ему двух сыновей и дочку.

Но стала скучать по родному дому. Говорит: – Отпусти меня повидаться! Он отпустил, но сказал: – Возвращайся через девять дней. подойдёшь к озеру и скажешь заветные слова. Я выйду и заберу тебя.

И она ушла.

Опять забыла: ужа звали Жолтис.

Дома все не могли нарадоваться, но не хотели, чтоб они возвращались. И решили выведать всё про ужа, чтоб его извести.

Но Эгле, два её сына не проговорились. А вот младшья дочка – самая любимая – когда ей пригрозили, что выпорят её (а до этого её и пальцем никто не трогал), всё рассказала.

Её братья взяли косы (сказав, что идут косить траву), пошли на озеро и убили Жолтиса.

Когда Эгле вернулась к озеру с детьми, вода вспенилась не белой пеной, а кровавой.

Ей всё рассказали.

– А дальше я помню дословно, – говорит Милка: Эгле сказала своим детям :

– Нет у вас ласкового отца, нет у меня любимого мужа. Никто нас в подводном царстве не приветит, а под одним кровом с злыми убийцами нам не жить. Пусть же будет так, как я скажу:

Верным сынам моим, юным героям,
Слово сдержавшим отважно и твердо, —
Дубом и ясенем стать над горою,
Буре не кланяясь, выситься гордо.
Дочке же – девочке, сердцем не сильной,
Сердцем не сильной, не крепкой душою, —
Трепетным деревом, робкой осиною
Вечно дрожать на болоте листвою.
Мне же подняться в зеленом уборе,
Елью угрюмою, елью ветвистою, —
Вечно ронять мне в сумрачном горе
Слезы прозрачные, слезы смолистые...

– Вот и вся сказка, Тонка ...Понравилась?

– Да... Единственное, что всё время цеплялось за слух –
цифра « девять».

– А я не заметила...

– Как же: через девять лет, только девять дней ...Цифра
нехорошая.

– Сказка тоже грустная.

Последняя сосна нехотя поднимает свою лапу, и они оказываются на большой поляне: в центре стоит трёхэтажный «домик на курьей ножке». Она, и правда, одна, нога. На ней и возвышается вся конструкция из дерева.

Первый этаж находится на высоте поднятой руки. По выгнутой сосновой лестнице они поднимаются вверх. Оттуда смотрят вниз: перед домом, вытянув вверх гладкое чёрное

чешуйчатое тело, с короной на голове, возвышается Королева Ужей.

– Вот она – Эгле, – шепчет Милка, прильнув к его плечу.

Они входят внутрь: повсюду из стен растут ветви деревьев, на которых рядом сидят синицы и ястребы, коршуны и воробьи. В корнях прячется мышь, и скользит среди травы хитрая рыжая лисица... Волки сидят рядом с зайцами, сова смотрит прямо куда-то иквозь тебя, как фонарик висит летучая мышь...

Те, что в жизни не очень соседствовали друг с другом, здесь мирно уживаются. И – странное дело – не чувствуется никакой фальши от этого. Вроде бы так и должно быть... Этот домик на дереве помирил их. Теперь навсегда.

И лишь одно выпадает из общего – их стеклянные глаза.

Но опять же странно -не ощущаешь никакой фальши и от этого... Может, так иногда подсолнухи на картине кажутся более живыми и естественными, чем в жизни. Кто знает, отчего так происходит... Возможно, в этом и есть сказка.

Веет тишиной и прохладой. Со стены на тебя глядит доброе лицо сказочника, всю свою жизнь посвятившего этому.

Антон с Милкой поднимаются на второй, а затем и на третий этажи. Здесь, на самом верху, есть крохотное окошко, из которого открывается вид на весь комплекс.

– Наверное, он очень любил Литву, Мил, – шепчет он ей.

– Да, и такое ощущение, что все эти волки, лисы, вороны, совы именно литовские. И, если поставить рядом нашу лису

и их – невозможно будет перепутать.

Они спускаются вниз.

– Вам понравилось? – спрашивает пожилая смотрительница.

– Очень! – отвечает Милка и отдаёт ей цветы, которые они купили на базаре.

– Спасибо, – благодарит та, – приходите ещё... Не пожалеете.

– Мы уже не жалеем. Спасибо вам.

По периметру поляны расположились сплетённые из корней и ветвей теремки с окошками. В одном продают мороженое. Они сидят возле него и едят холодный фруктовый лёд. Скамейка – ствол дерева, поваленный на два пенька – слегка подрагивает и покачивается. Будто пытается подняться.

Они уходят. В один из теремов открыта дверь... она захлопывается, и они оказываются внутри: крыша уходит вверх на конус, если подпрыгнуть – можно дотянуться до неё. Возле окна стоит стол – будто великан от столетнего дуба, как от огурца, отрезал дольку и положил здесь на пеньк. Рядом лежит гнущее тело сосны-скамейки.

Внутри – как в улье: жёлтый цвет обволакивает тебя, и так и кажется, что сейчас в окно влетит пчела и, как в мультике про Вини-Пуха, усядется на тебя.

Милка, усевшись на скамью и зацепившись ногами за стол, выгибается назад так, что рубашка ползёт из-под её брюк... и Тонка целует её живот, положив руки ей на бёдра.

– Тонка, – шепчет она, выпрямляясь и беря его руки в свои.

Она склоняется и целует его ладони – впервые он не противится.

– Поднимись, Тонка, – берёт Милка его под руки, – иди ко мне.

Она привлекает его к себе и целует. Кажется, в такие минуты они становятся невидимыми для других.

В окне появляется чей-то нос... и испуганный возглас :

– Ой, извините!

Всё-таки кажется.

Милка садится, встряхивает головой, и пук волос рассыпается по её плечам.

...Идёт по дубу учёный кот. А цепь – золотая... А звенья рассыпаются... И кот идёт по её тени... По золотой тени.

А Королева Ужей, гордо подняв свою коронованную голову, глядит кругом. Может, она всё знает? Тогда почему молчит? Потому что всё знает? А, может, она вовсе никакая и не королева? Всё это сочинили сказочники, а мы ходим и ахаем, и охаем...

А вдруг так было изначально задумано? (Дай Бог, чтобы не нами). Чтобы мы охали и ахали.

...

Так получается сказка :
кто-то сидит и ждёт.
Эта унылая маска,
может, с ума сведёт.
Но вот нет сил скрываться —
свет во все окна бьёт.
Надо – надо! – подняться,
Пойти (хотя бы вперёд).
Стрелы пустить в болото,
лягушку найти в лопухах.
И полюбить (пусть кого-то)
на свой на риск и на страх.
И возвратиться с нею
в этой вечерней поре.
Всем рассказав, что фею
в дом свой привёл на заре.
А поутру проснуться :
глядь – а царевны нет!
В окнах мальчонки мнутя,
щурится божий свет.
Погоревать, поохать,
и не уйти с сумой.
Перебороть свою похоть
и не смириться с судьбой.
Всё-таки это чудо —
верить – и произойдёт :

и разобьётся блюдо,
брошенное роком влёт...
Утром друзья и подружки
войдут – и разинут рты :
зелёные две лягушки
друг друга зовут на «ты».
Так получается сказка...
Стоит ли жить иначе?
Унылая, серая маска —
не очень сложна задача.

Солнце садится, луна приводит с собой вечер. Тёплый и звёздный. Они медленно идут по аллее, обнявшись. Синий сумрак создаёт обман одиночества.

Из тьмы, что скопилась под нависшими кронами деревьев, словно баба Яга, выходит пожилая женщина в грязной рваной одежде: в левой руке её – авоська, в правой – что-то зажато в кулаке. Увидев их, она останавливается, ставит авоську на землю и протягивает к ним руку :

– Это вам. Будьте счастливы! – разжимает она кулак.

И, оставив в вытянутой руке Антона это « что-то », так же таинственно исчезает в темноте.

На его ладони остаётся светлячок – свет его неяркий

и с изумрудным отливом. Нелепо горит – без батареек, без проводов. Маленький и беззащитный червячок.

Милка долго смотрит на него... и выпаливает :

– Давай отпустим его!

Тонка сжимает ладонь... потом разжимает :

– Давай.

Светляк горит и не тухнет – видно, он не может иначе.

– Милка! – хватается Тонка её руку. – Давай загадаем: если мы найдём светлячка – своего светлячка, а не подаренного – мы будем вместе навсегда!

– Мы не найдём его, Тонка, – сощуриив глаза, смотрит она на него.

– Почему?! Ещё так много времени!

– Не найдём, Тонка...

– Я найду его, Милка! И принесу тебе.

– Глупо как-то... Почему-то я знаю, что не найдём...

И, пока они идут к её дому, он всё вглядывается в траву.

Но этой ночью луна светит ярко и безразлично.

9

Милка уже ждёт его на условленном месте – возле обрыва у сосны с переплетёнными корнями.

– Милка, я опоздал! Извини меня, Милочка-Белочка.

– Что ты, Тонка... Разве я могу обидеться на тебя?... Почему белочка? – она встаёт и протягивает ему руки

– Потому что тебе нельзя много сладкого!

– А целоваться с тобой?

– А целоваться можно.

– Это же сладкое!

Они бредут по улицам города, и ноги сами их выводят к кафе, где они познакомились. Они поднимаются по ступенькам и, прижимаясь носами к стеклу, разглядывают столики, где они сидели в тот вечер, когда познакомились, то место, где он впервые обнял её в танце.

Потом стоят у перил и глядят на раскинувшееся перед ними озеро.

– Вон он, ослик! – указывает она рукой на маленький мостик, переброшенный через протоку. – Тонка, смотри!

И тянет его вниз за руку.

На середине озера фонтан окрашивает воздух в разноцветную радугу, а слева костёл вонзает свои острые пики в безоблачное небо.

Обходя озеро, они замечают небольшую кирпичную арку и ограду :

– Что это, Милка?

– Это кладбище. Литовское... И польское. Ты хочешь посмотреть? – спрашивает она, повернув к нему лицо и вглядываясь в его глаза.

– А ты? – вопросом на вопрос отвечает он.

– Пойдём.

Дорожка петляет то влево, то вправо среди крестов, они

обступают их со всех сторон. И, кажется, невидимые руки тянутся к ним, пытаясь дотронуться.

Большие ярко-коричневые сосны, надгробья со святыми и ангелами: они стоят, сделанные на века, смиренно сложив крылья и опустив глаза вниз или подняв их вверх – к Богу. Моля простить их. За что? – За сделанное зло? – За несделанное добро?..Руки покоятся на груди – ладошка к ладошке.

Всё это как-то не вяжется с солнечным днём, со смехом со стороны пруда – он сюда не проникает.

– Пойдём, Милка, – берёт он её за руку.

– Да, пойдём... Как-то тут не так сегодня.

Совсем недалеко – могилы советским воинам: прямоугольник, где-то десять на пятнадцать метров, выложенная плитами дорожка, слева и справа от неё –наклонённые надгробья. И много цветов. Больше – ярких, красных.

В центре —мраморный квадрат большего размера. Братская могила.

Они сходят с дорожки на лужайку, нарывают полевых цветов – маленьких, с острыми лепестками, голубых – как небо – и возвращаются.

Надписи: рядовой... капитан... лейтенант... опять рядовой... генерал.

Всего около пятидесяти. Годы рождения – разные, но больше – начало двадцатых, изредка попадаются – начала века. А годы смерти – более короткий промежуток: 1941—

1943 г.

Встречаются могилы без даты смерти: словно человек родился... и не умер. Просто его нет.

Герой Советского Союза... литовец... украинец... русский... казах... белорус...

...Неизвестный...

Ничего: ни званья, ни фамилии... Когда родился, когда умер?...

Дырка.

Неизвестный.

Известный? – Не известный.

Фонтан на озере разбрасывает брызги, но лишь некоторые долетают сюда. Тонка с Милкой идут молча, ослик-мостик тоже не улыбается. Лишь, подсвеченные радугой, блестят его горошины-глаза. В них – то ли слезинки, то ли брызги. Пускай будут брызги.

По пути им попадаются сложенные сосновые брёвна. Милка забирается на них и идёт, балансируя руками :

– Тонка, иди сюда!

Он поднимается к ней, и они идут рядом. Вот и конец этим стволам: Антон спрыгивает и протягивает ей руки :

– Прыгай, Милка!

Она подаёт ему свои руки и... вскрикивает :

– Ой! Опять.

– Что, Милка? Что?!

– Опять моё колено – это сейчас пройдёт.

Антон кладёт ей на колени руки и гладит их :

– Ты обопрись на меня, и я тебя сниму. Обними меня,

Милка, и держись.

– Нет. Я – сама... Сейчас...

Порывом ветра её вдруг качает в сторону, она ахает... и падает в объятия Тонки.

– Тонка, какой ты смешной! – закрывает ладонями она ему глаза.

– Вот мы и опять вместе, Милка. Ты всё время попадаешь в мои сети.

– Мне скоро уезжать... Нужно будет прощаться... А я не умею.

– А мы расстанемся так, словно завтра увидимся вновь... А встретимся, будто не виделись десять лет!

Он ставит её на землю и ложится на траву.

– Да, Тонка, – шепчет она, ложась рядом, – словно завтра увидимся!

– Поцелуй меня.

И краснеют от их прикосновения ягоды земляники вокруг, что секунду назад ещё были молочно-зелёными.

– Заяц! – вскрикивает она, отрываясь от его губ.

Антон глядит в направлении её руки – из кустов, метрах в тридцати от них, торчат длинные серые уши и подрагивают.

– Он всё это время там сидел и наблюдал за нами, – шепчет она.

– Эй, длинноухий! – негромко зовёт Милка.

Заяц, видимо, понимает, что его раскрыли: он вскакивает, дико таращит глаза... и только короткий пушистый хвост мелькает среди деревьев и кустов.

... – Тонка, я хочу тебя попросить...

– О чём, Милка?

– Не ходи на наш пляж один... Я скоро уеду... Не хочу уезжать! Зачем мне уезжать?!

– А ты не уезжай!

– А как же тогда?... Ехать надо. От этого никуда не денешься...

– А если остаться?

– А что это изменит? Всё равно ведь расстанемся...

Окна кафе отсвечивают, дверь приоткрыта, слышна музыка.

Слева вьётся узенькая тропинка и исчезает в зелени огородов. Они обходят кафе и идут по ней.

– А вдруг она нас выведет туда, где нас совсем не ждут?

– Пойдём, – Антон увлекает её за собой.

По пути им встречается несколько пожилых женщин, Тонка с Милкой молча сходят с дорожки и пропускают их.

– Тонка, – жмётся она к нему.

– Всё хорошо, Милка, – обнимает он её за талию.

Тропинка поворачивает... и перед ними возникает... Чюрлёнис! Среди жёлтых, бурых, коричневых листьев подбигающей осени его белизна бьёт по глазам, как молния.

Брови извиваются, шевелюра – будто шапка пены во время бури – назад.

Случай вывел их к его дому. Но с другой стороны. С чёрного хода. Откуда могут приходиться свои или живущие здесь постоянно. Соседи...

– Милка, я так благодарен тебе, что ты подарила мне Чюрлёниса!..Я бы, конечно, прожил без него, без тебя... А теперь... Кто-то сказал: «Зачем было нужно просыпаться? Так бы и жить неразбуженным»...

– Мы, как воришки, прокрались в его дом, – улыбается она неуверенно.

– Мы не воришки, – отвечает он, – тот, кто и так отдаёт всё, что имеет – только возьмите! – у того невозможно что-либо украсть.

– Здравствуй, Миколоюс!

Они выходят, как положено, через калитку и оказываются на улице. Слева от неё всё ещё сидит пожилой литовец с яблоками. У него осталось два последних кулька. Они покупают их. Он встаёт, кряхтя, собирает складной стульчик, смотрит на них и, уже поворачиваясь, чтобы уйти, кивает им головой.

По дороге мимо проносится «Москвич» отца Антона. Он так и исчезает, не сбавив скорости.

– Он нас не видел, Тонка? – виновато смотрит Милка.

– Я думаю, не видел. Иначе бы остановился.

– Я чувствую, что он недолюбливает меня... Ведь он хо-

тел, чтобы ты был с ним.

– Я тоже когда-то так хотел...

– Ты отпустишь меня пообедать с мамой? И сам сходишь...

– Я никуда не пойду. Я тебя подожду в сквере.

– Хорошо, – легко соглашается она, – а я тебе принесу чего-нибудь вкусенького.

Верхушки сосен окрасились в матовый красный цвет. Было тихо.

Она выбежала в платье. Красные и синие полосы по диагонали текли по её телу.

– Здравствуй, моя Белочка! – Антон встал.

И, не удержавшись, провёл по одной из полос :

– Я никогда не видел тебя такой!

– Тонка, – она взяла его руки, – Я так рада, что тебе понравилось! Мне и самой оно очень нравится... но я его редко надеваю, – надула она губы.

Они шли по липовой аллее, и молочный свет фонарей стекал по листьям и капал на остывающий асфальт.

Антон убрал руки в карманы и молча курил. Милка шла рядом, поглядывая на него.

– Что ты, Тонка?

– Ты такая красивая... Я боюсь до тебя дотронуться.

– Иди сюда, – оглянувшись по сторонам, потянула она его в мрак раскидистого вяза, – иди сюда!

Она прислонилась спиной к коре, опустила руки, подняла глаза :

– Дотрагивайся...

... – Теперь ты веришь, что я та же, твоя Милка? – зашептала она, вжавшись в него и выдыхая слова в его рубашку.

– Теперь верю.

– Поцелуй меня, – попросила она, подставляя ему губы.

Было ощущение, что они кружились, кувыркались в молоте фонарей.

– Тонка, я так рада, что тебе понравилось, что мне понравилось.

Город весь в огнях: холодный голубой свет неона переплетается с оранжевым оконным, в них вливается молочный фонарный. Как сигнальные огоньки – красные лампочки над подъездами. И все цвета радуги – брызги красок на рекламных щитах, кафе, танцплощадках.

Они подходят к её дому, когда из-за угла вновь выворачивает знакомый белый « Москвичок ». Отец Антона сигналим, Вадим высовывается из окна и что-то кричит — они в ответ машут руками...

И всё. Вновь тихо, где-то вдали затихает шум колёс по дороге. Они снова вдвоём...

Антон и Милка уходят от её дома, возвращаются, и опять уходят – вечер не хочет их отпускать.

Они садятся на скамейку, где он впервые обнял её, поцеловал, и она положила голову ему на грудь, где встретились

их руки.

– Милка, слушай стих. Не помню автора, – он делает движение руками, словно стряхивает пустые, не нужные – лишние! – сейчас слова, – мне он очень нравится... :

...

Ну и что, что вдвоём?

Ну и пусть – при свечах...

У меня ещё есть голова на плечах!

А мой внутренний голос

мне в голос кричал,

(и вполголоса сам же себе отвечал) :

Что, когда вы вдвоём,

а вокруг тишина,

голова на плечах никому не нужна.

– Тонка, мне тоже очень нравится... Почему мне так хорошо с тобой? Легко и просто...

– А если станет тяжело?

– Пока мы будем вместе, тяжело не будет. Я знаю...

По небу кто-то рассыпал сахар, и его кристаллики время от времени вспыхивают... и гаснут. Этот поток течёт и переливается, и исчезает в дымке. Но нет ему конца и края.

– Милка, хочешь скажу, как у нас с тобой будет?

– Скажи, Тонка.

– Мы расстанемся. Я женюсь, ты выйдешь замуж. Мы вновь встретимся, когда нам будет под сорок. Мы будем старыми. И вспомним наше кафе, наше лето, наши глаза, наши губы в этом лете. Нашего Чюрлёниса. И будем опять вместе. Навсегда... И даже после.

– Глупый маленький Тонка, – прошептала она.

...И возвращаясь, он всё искал светлячка, его изумрудный свет... Но не находил.

10

Антон застал Милку во дворе: на ней были те же брюки и белая блуза, что и в первый день их встречи.

Она подбежала и, оглянувшись по сторонам, подставила ему губы, закрыв глаза :

– Здравствуй, мой Тонка! Здравствуй. Ты только встал? Да? А уже набегалась за это утро... так не хочется уезжать... Ты знаешь, я всё-таки купила Мишке колокольчик!..Помнишь, я говорила: в лавке сувениров здесь продаются чудесные медные колокольчики? Я покажу тебе его, у него такой приятный бархатный голосок.

– Даже не смей думать ни о чём!.. Тонка!..Он был последний.

В дверях показалась её мама. Милка повернулась к ней и, прищуриив глаза, проговорила :

– Ма, это мой Тонка...

– Я вижу... Здравствуйте, Антон.

– Мамуля моя сегодня такая красивая! – прижалась к ней

Милка. – Правда, она красивая, Тонка?

– Да... Очень.

– Мила, ну что ты, право слово... Отвяжись! – оттолкнула мать дочь. – Какая ты хохотушка. Всегда такая, что бы ни случилось. Пустышка, – улыбнулась она, глянув на Антона.

– Да, пустышка.

– Да, Тонка!? Я —пустышка? Ну ладно, хорошо, я запомню твои слова. Хорошо, – погрозила она ему пальцем.

– Она, наверное, уморила вас за эти дни?

– Нет, ничего. Я терпеливый.

– Господи! -всплеснула она руками. – А сумка с едой-то ещё не собрана! Или ты собрала, Мила?

– Я – нет, мамуля.

– Вот растяпа! – засеменила она домой.

– Тонка, бежим! У нас есть минут двадцать.

– Куда?!

– За озеро!

– Но там же наш заяц. Он будет подглядывать.

– Пускай. Он же наш!

Сразу же за горбатым мостиком над озером они остановились...

Милка, наконец, оторвалась от его губ и, вся ещё в его объятиях, прошептала :

– Тонка...

– Что, Милка?

– У меня болят губы...

– У меня тоже, Милка.

– Мы сошли с ума?

– Ты уедешь, он вернётся...

– А ты?

– А я люблю твои губы, твои волосы, твои глаза. Твой голос. Всю тебя.

– Какой ты! – лукаво улыбнулась она.

И зажала подбородком его плечо.

– Тонка! – вдруг хлопнула она его рукой по спине (он от неожиданности вздрогнул), – заяц! Наш заяц!

Антон обернулся – невдалеке, метрах в десяти, сидел заяц и смотрел на них, не мигая... Затем, заметив, что обнаружен, вытянулся, остолбенел... и только мохнатые лапы замелькали среди травы. Он уходил зигзагами.

– Партизан! – рассмеялись они...

Они вернулись к её дому – время! – и от него втроём пошли на вокзал.

Антон нёс чемодан и сумку, а Милка с мамой шли по обе стороны от него.

– Вон он, наш автобус, Мила! – заторопила её мать. – А мы ещё даже не взяли билеты! Я пойду скоренько, а вы тут посидите.

И она пошла к кассе.

– Вот он, наш автобус, – произнесла Милка, оглядываясь.

– И он увезёт тебя...

– Так должно быть. Ты сам говорил... Хочешь, я покажу тебе колокольчик!?

Она порылась в сумке и извлекла оттуда небольшую коробочку. Внутри оказался маленький медный колокольчик. Она покачала его – и он издал нежный и тонкий звук.

– Какой у него голос, Тонка!...

– ...

– Он тебе не нравится.

– Нет.

– Ну, как хочешь, – и она спрятала его.

Антон взял её руки в свои и сжал :

– Ты уезжаешь, Милка...

– Что же делать, Тонка? – встретились их глаза. – Я всегда буду благодарна тебе за то, что ты был здесь. Со мной... Мне было так хорошо с тобой, как ни с кем другим!..

Она потёрлась щекой о его щеку :

– То-о-н-ка...

Вернулась её мама и зашебетала :

– Мила, уже садятся! Мы опоздаем... Прощайтесь, а я пойду в автобус – нужно места занять... Опоздаем!

– Никуда мы не опоздаем, – грустно вымолвила Милка, – ты иди, мамуля, я сейчас.

– Не задерживайся... Ну, вот и всё, Антон. До свиданья, – она подошла к нему и протянула руку, – будете в Минске,

заходите. Мы будем рады!

– И вам всего хорошего, – он пожал протянутую руку, – здоровья, счастья.

Они остались вдвоём.

– Давай зайдём за автобус, здесь слишком людно, – потянул он её за руку.

– Тонка, – зашептала она, – мне грустно. Я сейчас заплачу. Я – плакса.

– Не надо, Милка, Милка моя. Мы ведь скоро увидимся. Я приеду...

– Я буду всегда рада, когда бы ты не приехал...

– Если тебе когда-нибудь станет плохо, ты подумай обо мне...

– Я буду ждать тебя!

– Милка, бежим! – потянул он вдруг её за собой.

– Куда!?

– Бежим!

В окне автобуса мелькнуло испуганное лицо её матери.

Затащив её за разросшийся во все стороны куст, точно динокобраз, он притянул её к себе и нашёл губы. Её пальцы запутались в его волосах, глаза закрылись...

– Тонка, какой же ты.., – пролепетала она влажными губами.

И провела ладонью по его щеке :

– Дай, Я тебя поцелую.

– Вот и всё, Тонка, – слова ещё висели в воздухе, а дверь

в автобус уже закрывалась за ней....

Антон шёл следом у её окна, махал прощально рукой и улыбался. Пока автобус не вырулил на дорогу и не набрал скорость.

Огромная, словно бездонный колодец, пустота навалилась на него, закружила и понесла... Ощущение, что её уже нет...

А через десять минут пошёл дождь. « Слепой » летний тёплый дождь.

Светило ярко солнце, и вдруг с ясного голубого неба стали падать крупные и частые капли. Вмиг над озером выткалась радуга, разлилась и заиграла в брызгах.

И дождь слеп от яркого июльского солнца и падал на лицо Антону, на автобус, в котором уезжала Милка.

Он был совсем недолгим, этот летний дождик. Было слишком ярко для слёз, поэтому он и ослеп.

А за окном автобуса, искажённые стеклом, блестели мокрые глаза Милки...

Антон проснулся ночью. Точно его кто-то толкнул. Встал и вышел из палатки. Кемпинг спал без задних ног.

Он вышел и пошёл вдоль пшеничного поля по просёлочной дороге.

Минут через десять оказался на их с Милкой пляже.

Остановился.

Над рекой стоял густой туман, в котором путалась холодная белая луна.

На той стороне заржала лошадь.

Тишина.

Послышалось какое-то неясное бормотание. Кто-то с шумом вошёл в реку. И поплыл к нему!

Антон попятился и спрятался за сосной.

Кто-то стал выходить из воды.

Показалась голова лошади...

На лошади сидел индеец! Головной убор из перьев качался в такт шагам лошади.

Индеец спешился, снял лук, топор положил возле и настороженно затих, влушиваясь в окружающие звуки.

Пошёл собирать хворост для костра. Прошёл совсем рядом с Антоном. Антон перестал дышать.

Долго возился с огнивом... Наконец, от яркой искры сначала затлел сухой мох, а затем и вспыхнул жёлтым огнём!

Он присел у костра и замолчал. Достал курительную трубку. Дым повис над ним, стал подниматься вверх, смешиваясь с туманом.

И он негромко запел :

«Здесь у окна желанье
возникнет от ожиданья.

Больше терпеть невмочь —
везде есть улица в ночь.
Она идёт в направленье
восторга, освобожденья.
И ускользает во мгле,
как образ твой на стекле.»

Лошадь, напившись воды, подошла к костру и ткнулась мордой в плечо индейца.

Он не пошевелился.

Тогда она пошла к Антону!

И метрах в двух от сосны, за которой он прятался, подняла голову и посмотрела на него – вместо зрачков у неё были два бельма!

Он отшатнулся и бросился бежать прочь!

...и скатился с раскладушки!

Рядом во сне забормотал потревоженный отец Антона, но так и не проснулся.

В голове продолжала звучать песня индейца.

11

Ворона вынырнула из облака – прямо на неё нёсся самолёт! С карканьем она свалилась вбок. Лишь чиркнула крылом по иллюминатору. Антон отшатнулся. Потом всё же посмотрел сквозь стекло – но никого уже не увидел.

В динамике что-то шёлкнуло, захрипело, потом кто-то вы-

сморкался и произнёс :

– Уважаемые пассажиры, наш самолёт приступил к снижению. Через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту города Минска. Пристегните, пожалуйста, ваши ремни...

Впереди заплакал ребёнок. Антон видел его зарёванное лицо впереди через три ряда кресел. Он обхватил шею матери и плакал у неё на плече, глядя на Антона. Его сопливый нос утирала мамаша и приговаривала :

– Ну что ты, успокойся, всё будет хорошо, мой зайныка...

Рядом бородач читал, да так и уснул, упав лицом в газетную полосу. После сообщения он всхлипнул, поднялся, поглядел на Антона непонимающим взглядом и сказал :

– А?.. Что?.. Уже?

– Минут через десять сядем в Минске, – ответил Антон.

Тот откинулся и закрыл глаза. Опять уснул?

... Три дня без неё в Друскининкае показались вечностью!

Всё стало ненужным, неинтересным... чужим. Он еле дождался отъезда домой!

Он не умер, не растворился – он продолжал жить! Просыпался по утрам, ложился, когда на улице было уже темно. Ел, пил, что-то кому-то говорил...

Как?

Зачем?

Сколько прошло времени?

Сколько должно было пройти?

Закрыв глаза – потом открыл...

«Всё, хватит! – сказал сам себе. – Больше не могу!»

И поехал в аэропорт.

Каких-то час сорок – и он её увидит!

И не было этого, ничего не было!

А, правда, было ли что-нибудь?

По проходу прошла стюардесса.

– Садимся, – улыбнулась она ему и пошла дальше.

Замелькали красные огни взлётной полосы, сплелись в канат – и самолёт, коснувшись земли, стал резко тормозить.

Всех швырнуло вперёд. Его сосед с размаху врезался лбом в спинку переднего кресла.

– Ч-чёрт! – выругался он.

– Больно? – спросил Антон.

– Да, нет – ответил тот, – проснулся!.. Конференция была, – то ли извиняясь,

то ли просто так, добавил он.

Як-40 замер, затихли моторы, открылись задние двери – и пассажиры потянулись к выходу.

Вот мимо него прошла мамаша с ребёнком – он крепко спал у неё на плече, чему-то улыбаясь во сне.

Антон подмигнул ему, встал и тоже пошёл к выходу.

Выйдя, остановился и глубоко вдохнул – тёмный вечерний воздух вместе с огнями вокзала проник ему внутрь – и он вздрогнул!

– Проходите в вокзал, тут нельзя, – тронула его за руку

стюардесса.

– Иду, – кивнул он и пошёл следом за ней.

Двери разъехались перед ним – он вошёл в холл, озираясь по сторонам.

Милки не было!

– ...Тонка! – кто-то позвал его.

Он посмотрел вперёд – и увидел её!

Она была!

Она пошла ему навстречу, потом побежала!

– Фу – ух! Думала опоздала, – выдохнула она. – Здравствуй?!

– Здравствуй!..Я приехал!

– Здорово!..Значит, всё-таки это было! – она тряхнула головой.

Её волосы рассыпались по плечам, по кожаному чёрному плащу. Белый берет съехал набок – и она едва успела подхватить его рукой.

– Было!..Милка...

– Ты помнишь, как меня зовут?

И сделала шаг к нему.

Провела пальцем по его куртке и посмотрела в глаза.

Потом немного неуверенно взяла его за руку и, сказав: – Пойдём! – потащила за собой к выходу.

– Поедем ко мне?

– Может, в гостиницу? – он останавливает её. – Удобно?

– Конечно! Я не хочу, чтобы ты останавливался в гости-

нице, приехав ко мне... К тому же мама уже ждёт!

– Хорошо.

Троллейбус несётся по улицам Минска, рассыпая искры сзади себя и прожигая асфальт.

Дома становятся ниже, освещение реже, они проезжают базар, потом мелькает табличка на доме: « Вулиця Сурганава» – и он тормозит.

Милка говорит :

– Вот мы и приехали! Пойдём, это конечная.

Они выходят – одинокий фонарь освещает троллейбусную остановку. Вокруг – темнота. Куда-то вверх уходит тёмная улочка. Лишь блеклый свет на её проезжую часть отбрасывают окна небольших одноэтажных домиков.

– Нам – туда, – кивает она головой.

– Милка! – он останавливается, и она с разбега разворачивается. Её бросает к нему.

– Что?!

– Можно, я тебя поцелую?

– Я думала, ты никогда не спросишь, – шепчет она одними губами.

И облизывает их языком.

Она закрывает глаза – и Антон целует её. Берет съезжает с её головы и падает. Она пытается схватить его, но ловит только свои волосы. Да так и застывает на...

– Пошли? – шепчет она, уткнувшись ему в грудь.

– Думала, это навсегда останется нашим курортным рома-

ном, – говорит она, когда они поднимаются по улице вверх, – но... тут – телеграмма! Так неожиданно!

– А если бы не телеграмма?

– Не знаю... Так часто думала о тебе!

Из подворотни, словно из ниоткуда, неожиданно вырывается белый комок шерсти и бросается с громким лаем на Антона!

– Пушок, Пушок, ты что? – приседает Милка на корточки.

И болонка, узнав её, взвизгивает и, юля и визжа, начинает переворачиваться, катаясь между ног Милки.

– Мы пришли, – выпрямляется Милка и открывает калитку, – это мой Четвёртый Подольский...

– Муся, – кричит она, открывая двери в дом, – принимай гостей!

Они оказываются в крохотной прихожей, где и двоим довольно тесновато. Открывается дверь слева, и сразу в нос ударяет запах чего-то жареного, вареного, пареного и ещё, бог весть, какого съёстного.

Из кухни выходит её мама, прищуривается в этой полутьме и негромко говорит :

– Ну, наконец-то! Здравствуйте, Антон.

И протягивает ему руку.

– Здравствуйте...

– Ирина Михайловна, – шепчет сзади Милка.

– Ирина Михайловна, – повторяет Антон.

– А вы – смелый! – проговаривает она, качая головой.

И её волосы с уже заметной сединой текут ей на лицо. Она их смахивает небрежно рукой.

– Вы считаете, я зря приехал?

– Муся! – перебивает её Милка. – Ты опять?! Я же говорила, он приехал ко мне!

– Да я что? – Я ничего... Мы всегда рады гостям... Антон, – улыбается она, – проходите, скоро будем ужинать.

– Пойдём, – Милка уводит его в дверь справа.

Они оказываются в зале. Она включает торшер, забирает его куртку и исчезает.

Остаётся только :

– Я сейчас! Посиди пока.

Он не успел осмотреться, как вбежала Милка с подносом в руках и попросила :

– Тонка, зажги свет, пожалуйста! Вот здесь, возле двери.

Следом зашла её мама с большим блюдом картошки с дымящимся мясом.

Потом пили чай. Милка откуда-то притащила торт. И принялась разрезать его ножом, снимая с него прилипший крем пальцем и облизывая.

– О, торт! – удивилась Ирина Михайловна.

– Мы с Тонкой по пути купили.

Антон вопросительно глянул на неё.

– Такой, как ты любишь – с орехами!

– Антон, – спросила её мама, – а вы ведь, кажется, закончили институт, по-моему?

– Закончил, – подтвердил Антон.

– А как же тогда армия? – не понимаю...

– У меня не было военной кафедры.

– Это плохо. по-моему... Или нет?

– Раньше не думал. А теперь – плохо... Но теперь уже поздно.

– Да... А вот Валик, мой сын, не служил, у него была военная кафедра, слава Богу.

– Милка, а где твой брат? И отец? – спросил Антон, когда её мама ушла, бросив напоследок: « Не засиживайтесь допозна..Мила. помни: тебе рано вставать!»

– Пойдём на веранду? – Милка взяла Антона за руку и встала. – Там нас никто не услышит... Там хорошо! Больше всего люблю её в нашем доме.

– А их нет, – ответила она, когда они сели на диван, – они уже как неделю на море.

– Сейчас? Холодно...

– А, – махнула она, – им никогда не холодно. Они у нас – моржи. Зимой в проруби купаются. Говорят, сейчас лучше всего – никто не мешает, под ногами не путается, море не баламутит.

– А...

– А вернутся через дней пять, точно не помню... Ты долго приехал?

– Послезавтра уеду.

– Как!..Я думала, ты надолго, – она растерялась.

– Мне через три дня нужно быть уже на сборном пункте...

– А нельзя опоздать?

– Стану дезертиром...

– Что же делать?

– Жить... Мы ведь живём. Какая разница, что там дальше будет? Что-то будет. Ты рада, что я приехал?

– Это совсем не то слово, Тонка!..Ты ходил на наш пляж, когда я уехала?

– Ходил. Знаешь, лошади не было...

– Конечно, не было! Ведь подглядывать-то было не за кем!

– Больше никуда не ходил... Я купил книгу о Чюрлёнисе в Каунасе в его музее (мы заезжали туда, когда поехали обратно). Называется «Гимн солнцу»... Милка, я совсем не понимаю его музыку!

– Это не страшно... Ведь его картины тебе нравятся?

За окном залаяла собака.

– Это Пушок! – узнала Милка. – Надо его загнать, а то он не даст спать никому.

– Я сейчас! – она поднялась и выбежала за дверь.

– Давай потушим свет? – предложила она, возвратившись.

И щёлкнула выключателем.

Стало тихо... и темно.

Антон встал и сделал шаг в сторону двери и почувствовал, как она прижалась к нему, обняв за талию.

– Слышишь, как моё сердце бьётся?

Он положил ей руку на грудь – она вздрогнула.

– Всё-таки курортные романы не всегда имеют продолжение...

– Это их дело.

Глаза привыкли к темноте – он видел её губы.

– Я месяц не целовался с тобой...

– Так целуйся...

– Подожди, – она выскользнула из его объятий и пошла к окну. – Ты писал?

– Хочешь, прочту?

– Хочу.

– ...

Мы ехали куда-то вдоль тумана,

горела свечка в этой тишине.

«А знаешь, у Изольды от Тристана родился сын», – ты прошептала мне.

И глупо мне не верить – я ведь верю!

Тебе я верю, даже если лжёшь.

Сейчас, когда открою тихо двери,
ты скажешь мне... и навсегда уйдёшь.

Она повернулась :

– Тонка?

– Что?

– А если бы не армия?

– Я бы не уехал...

– Стих грустный ... Почему он такой?

– Стихи не пишутся,

– слова, как капельки,

– слышал музыку

– подпрыгнул в воздухе...

– У меня так получается ... если получается.

– Мне нравится, как у тебя получается...

Дверь скрипнула, и показалось заспанное лицо её мамы :

– Ребята, вы что?! Знаете, какой сейчас час?

– Мамуль, иди, – пошла ей навстречу Милка, – мы сейчас уже ложимся.

– Пойдём, пойдём спать, Мила. А-то я не усну... Да и Ан-тону уже пора, ты совсем замучила его.

– Иди, я сейчас, – сказала Милка и притворила за ней дверь.

Подошла к нему, потянулась губами к его губам :

– Никуда я тебя не отпущу!

– Это какое-то наваждение... Мы – такие разные.

Она выскользнула из его объятий... и исчезла.

Свет погас, и на окно упали звёзды. По комнате будто про-нёсся ветер. И звёздная пыль стала оседать на всё вокруг.

– Ми-и-лка, – прошептал он в темноту еле слышно.

– Тонка, – улыбнулась она.

И так, с улыбкой на губах, уснула.

Антон открыл глаза – светило ярко солнце. Иней блестел на оконном стекле, переливаясь в его лучах и сверкая, как бриллианты.

За окном по палисаднику гонял кругами Пушок с высунутым языком, весело повизгивая.

Интересно, зачем?

Зачем собаки бегут за машиной, пытаясь укусить колесо?

Им что, нечего делать?

Или они дурачатся друг перед другом?

За дверью кухни кто-то гремел посудой. Антон открыл её и, увидев Ирину Михайловну, спросил :

– Вам помочь?

– Помоги, – ответила она и повернулась.

...Это была Милка!

– Ты меня спутал с мамой! – засмеялась она. – Я – в её халате!

– А где же она?

– О, она уже давно на базаре!..Помнишь, вчера проезжали? Она уезжает ни свет, ни заря. У нас – оранжерея, мама выращивает цветы. И продаёт... Хочешь посмотреть?

– Хочу.

– Пойдём!

Во дворе стояла стеклянная оранжерея, где-то четыре

на пять метров. Дво-рик казался небольшим.

Милка толкнула дверцу – и она открылась в царство белых хризантем! Только в правом дальнем углу краснели розы.

– Больше всего люблю хризантемы, Тонка! Любые... Знаешь, если подрезать вовремя в вазе и добавить таблетку аспирина, они не вянут больше месяца! И как пахнут! – Понюхай!

Она присела на корточки – и её голова исчезла в цветах!

– Тонка, – она подняла лицо к нему, – почему мне так легко с тобой? И как будто ты не уезжал никуда надолго, как будто наше лето опять с нами... Глупо подумать, ещё вчера я боялась твоего приезда, думала: а что, если всё будет не так?

– А теперь?

– А теперь всё так, Тонка! И даже лучше, чем так!

– Мама продаёт хризантемы на базаре...

– А розы? – перебил он её.

– А розы!.. – Милка махнула рукой. – Это – так! Слишком бело! – она крутнулась на месте, расставив руки, – нужно было красное!

Сзади хлопнула дверь, они оглянулись вместе – по проходу к ним бежал Пушок, и с каждым прыжком всё больше становился похожим на пушистую хризантему. Подбежав, стал прыгать, пытаясь дотянуться до рук Милки. Потом так же стемглав бросился по проходу дальше и выскочил через другую стеклянную дверь.

– Что это было? – спросил Антон.

– Это был Пушок. Он всегда такой... Привязался к нам с год назад – выгонять было жалко. А сейчас привыкли... Он меня узнаёт, только я появляюсь на нашей улице! И бежит, сломя голову, падает, кувыркается, встаёт, опять бежит – умора!

– Милка, а мама – она ведь на пенсии?

– Да, только всё равно продаёт цветы. Интересно, что тут дело совсем не в деньгах... не совсем в деньгах, – поправи- лась она. Потом – решительно, – деньги тут, вообще, не при- чём! Ей нравится!..Знаешь, она мне как то сказала: очень часто те, кто покупают их, уходят с такими глазами!..Слов- но они что-то увидели такое, чего раньше никогда не ви- дели!..Это – радость, счастье, навер-ное. Что-то такое есть в цветах, чего нет в нас?

– И не будет?

... -Мне кажется, мы отвыкли друг от друга.

– Да, что-то такое есть, я и слова сразу не найду...

– Пытаемся играть, что всё, как прежде, ещё лучше...

– А надо просто... помолчать? – неуверенно спросила она.

– Я не знаю... Кто-то сказал, что существует два типа лю- дей: одни любят уметь, их зовут мастерами, другие любят искать. Иного не дано.

– Ты любишь искать?

– Нет, Мил, я не люблю уметь.

– Ты первый раз меня так назвал... Наверное, и правда,

мы изменились, но пока не можем этого заметить.

– Ты говорила, мы поедem куда-то?..

– А... да, – согласилась она, помолчав, – я сейчас!

И пошла по дорожке, пока не скрылась за дверью. Та, жалобно скрипнув, закрылась за ней.

Появилась Милка с другой стороны. На ней был чёрный кожаный плащ и тот же, что и вчера, белый берет.

Взяла его руку.

Потом пропустила вперёд и пошла за ним.

Когда он уже одевался в прихожей, она подошла сзади, обняла его и сказала :

– Я знаю...

– Что, Милка?

– Молчи!

И она увлекла его за собой в дом.

Они оказались в зале. Он подошёл к столику, где стоял магнитофон:

– Милка, а Высоцкий...

– Молчи, – перебила она его, – ничего не говори... Вообще ничего.

В этой комнате был полумрак, свет они не зажгли. Было тихо, на стене мерно тикали часы.

Она коснулась губами его губ. Еле-еле.

Может, показалось?

– Только ничего не говори, – повторила она. – Давай обойдёмся без слов?

И стала целовать его, шепча :

– Ничего не делай... Я сама.

Она опустила руки, тряхнула плечами – и плащ, шурша, упал на пол.

Где-то в это время её мама торговала цветами, а, может, уже и ехала домой, его мама... скорее всего, читала лекцию в университете, её отец и брат купались в море и пили пиво, его брат, возможно, шёл из школы или гонял по школьным коридорам с товарищами...

По дорожкам Друскининкая, где ходили они вдвоём, не спеша гуляли совсем другие люди... И какая-нибудь не известная им пара купалась на их пляже, и между ними тоже появлялась эта тонкая тёплая хрустальная ниточка... Хотя, вряд ли, холодно уже.

– Иди за мной, – Милка завела его в спальню и прикрыла дверь.

Присев на кровать, стянула через голову свитер и помогла ему снять его.

«Я хочу, чтобы мы с тобой стали одним целым... Как было в Друскине.»

«Лошадь скучает, я думаю, без нас...»

Они говорили, не разжимая губ. Глазами. Через глаза... Или?

Словно они оказались внутри сферы в невесомости: они могли кувыркаться, легко оттолкнувшись от стен, плавать вокруг друг друга и, когда оказывались далеко, протягивали

руки – и неведомая (нет, ведомая!) сила притягивала их снова.

И если бы сейчас сказать что-либо, то оно повисло бы в воздухе, как капля воды, колеблясь и пульсируя от малейшего шороха, звука...

Милка сидела у изголовья кровати вся пунцовая, не понимая, где находится. Антон, Тонка, встал и подошёл к окну, повернулся... но ничего не сказал.

– Тонка, почему ты так поздно приехал? – прервала она тишину.

– Я не мог раньше.

– Потому что я не звала?

– А этого времени не было, Милка! Ты только вчера приехала из Друскина – и вот я!

– Куда же оно делось?

– Никуда. Его не было!

– А дальше что?

– А дальше – армия, Милка! Полтора года без тебя!

– Разве ты не приедешь в отпуск?!

– Я совсем забыл...

– А дальше?

– А дальше у нас никогда не будет с тобой. Будет всегда только сейчас. Ни прошлого, ни будущего... Мне никого не нужно, кроме тебя!

– Давай будем всегда вместе?

– А...

– А ты приедешь ко мне! И мы будем жить.

– А если бы у нас появился ребёнок?

– Не думала... Было бы волшебю!

– Ты будешь растить его одна?

– Почему одна, глупый?! Глянь, сколько нас: моя мама, твоя, отец, братья! Нас так много, что не сосчитаешь!

– И он будет похож на нас.

– Вылитый – мы...

– Это наваждение... Ты попадаешь под мои чары, когда я приезжаю. Я – такой, когда рядом, а когда далеко – меня забывают.

– У нас с тобой каждую минуту что-то происходит, что-то необъяснимое... Так бы и было всегда!

– Вот мы уже и загадываем...

За окном пошёл дождь. По небу неслись рваные облака, ветер гнал их, как будто ему не терпелось побыстрее их растряссти, выжать и отпустить вверх. Проглядывало солнце. За окном творилось такое, когда синоптикам становится неловко за то, что они предсказали... А, может, им всё равно.

А вдруг их состояние передаётся и природе? И вот снаружи то, что у нас внутри. А если отойти, скажем, на километр, может, меньше – и там солнце, тихо, птички поют...

– Поедем в город? – она встала, румянец почти сошёл с её щек, -господи, – засмеялась она, -где тут чьё?

И принялась одеваться.

– А мы не столкнёмся с твоей мамой, когда поедем?

– А даже если и столкнёмся... И что? Тонка, мой Тонка!

Я вспомнила тебя, и мне никто не нужен, нужен только ты! – и она закружилась по комнате.

Дождь прекратился, выглянуло солнце.

Видимо, связь всё же была.

Хотя через пять минут опять посерело и заморосило.

По пути к остановке они не встретили её маму.

Троллейбус катил, мешая колесами грязь и обдавая ею тротуар. Прохожие отскакивали и жались ближе к домам.

– Милка, смотри! – Антон показал на дом, мимо которого они проезжали. – У вас в Минске жил японец?

– Какой японец, Тонка? – она смотрела на него. – О чём ты говоришь?!

– Надпись: «Вулица Сурганава».

– Это – по-белорусски. Понимаешь? Жил такой человек – Сурганав. По-русски, был бы Сурганов.

Они проехали мимо базара. Мелькнуло на противоположной остановке лицо, очень похожее на Ирину Михайловну.

– Нам на следующей уже выходить, – толкнула его в плечо Милка, – эй, просыпайся!

– Пойдём в «Космос»? – предложила она, когда они едва успели увернуться от летевшей грязи из-под колёс троллейбуса.

– «Космос» – это что?

– Это наш кинотеатр.

– Пойдём.

Они прошли мимо гостиницы «Лебедь».

– Высокая, правда? – задрала голову Милка. – Там, на самом верху, на двадцать втором этаже есть кафешка.

– Не пойдём сегодня, – ответила она на его немой вопрос.

Внутри кинотеатра было тихо. Никого. Рабочий день. Только в углу справа возилась уборщица с тряпками и шваброй. Милка пошла к афише и стала читать названия фильмов.

Вошли двое парней и остановились в дверях. Один повёл взглядом и остановил его на Милке. Антона не заметил.

Он так долго смотрел на неё, что она невольно почувствовала, повернулась... и заулыбалась :

– Мишка!.. Откуда ты?!

– Милка! А я смотрю: ты – не ты?! – пошёл он ей навстречу.

– Решила сходить на что-нибудь? Сто лет не виделись!

– Антон! – она позвала Антона.

Мишка повернулся, когда Антон встал и пошёл к ним.

– Знакомтесь! – Милка сделала маленький шагок назад.

– Михаил! – протянул руку тот.

– Антон, – он пожал протянутую руку.

– Твой гость? – повернулся Мишка к Милке.

– Мой.

– Издалека?

– Украина, – ответил Антон.

– Недалеко.

– Недалеко, – согласился Антон.

– Может, ну его, это кино? – предложил Мишка. – Пойдём в «Олимпийское»?!

– А? – взглянула Милка на Антона.

– Пойдём.

Парень, что пришёл с Михаилом, молча наблюдал за ними, но не подходил. Видя, что о нём совершенно забыли, хмыкнул, развернулся и исчез за дверями кинотеатра. Михаил о нём даже не вспомнил.

Поднялись по лестнице на второй этаж большого здания, сбоку слева их сопровождал цветной фонтан: вода текла стеной сверху вниз и переливалась от бликов светомузыки. Кажалось, что-то мелькало за ним. Рыбки?

Сели за столик возле окна. Милка встала :

– Пойду принесу чего-нибудь? Что-кому?

– Давай я? – вскочил Мишка.

– Нет, – покачала головой Милка, – я! Поболтайте пока.

И пошла к барной стойке.

– Как Минск? – повернулся Мишка к Антону.

– Почти не видел ещё. Второй день здесь.

– А где остановился?

– Да, тут недалеко.

– А-то можно было бы у меня, если негде, – пожал тот плечами.

– Спасибо, есть где.

– Чем занимаешься?

– Институт закончил, теперь – в армию.

– Хреново, – хмыкнул Михаил, – мне ещё два года... Как считаешь, стоит перевестись на военную кафедру?

– Сам решай. Служить хочешь?

– Служить – не очень...

– Что ж тогда думаешь – переводись. пока не поздно.

– Почти поздно.

– Почти – не считается.

– Советуешь?

– Ага.

Милка с подносом направилась к ним. Мишка вскочил первым и поспешил к ней навстречу.

Они подошли и сели.

– Я взяла «Поляр» и «Искру»! И мороженое!

– Я бы то же самое взял... Вкусы у тебя не меняются, – улыбнулся Михаил.

– Финский ликёр, – взяла со стола Милка бокал и протянула Антону, – попробуй! Брусничный.

– Мы с Тонкой. – начала она, – сегодня только-только выбрались...

– Мы?.. – Мишка перевёл взгляд с неё на него и нахмурился, погрузился.

– Мы. – подтвердила она. – Не знаешь, куда сходить?

– Сходите к Андрею, – без интуизма ответил он, – у них сегодня показ нового фильма. Отец его с фестиваля в Витеб-

ске приехал.

– Пошли?! – зажглась Милка.

– Да, как-то не знаю... – замялся он.

– А мы пойдём! Правда? – она повернулась к Антону.

– Пойдём, – подтвердил он.

– Ты говорила что-то насчёт машины? – Михаил спросил у Милки. – Так я договорился...

– Здорово!..Только я сейчас не смогу, – она посмотрела на Антона.

– Ну, потом...

– Потом – да. Мне нужно учиться водить.

– Хотите, фокус покажу? – Мишка достал из кармана листок бумаги и ручку.

Протянул его Милке :

– Напиши короткое слово, только мне не показывай.

Она написала и, сложив вдвое, протянула тому обратно.

Он пальцами провёл по бумаге, подумал... – и угадал!

– Как ты это сделал?! – удивилась Милка.

И посмотрела на Мишку, потом на Антона.

– Всё просто, – улыбнулся он, – всё очень просто... нужно знать секрет. Если раскрою... Попробуй догадаться!

И он посмотрел сначала на неё. потом на Антона.

– Я – пас, – отмахнулся Антон, – фокусы мне никогда не удавались!

– Мне тоже! – засмеялась Милка. – Не говори, будет не интересно.

И поскребла ложкой по пустой чашке с мороженым.

– Я пойду, – встал Мишка, – обещал зайти к Женьке...

Ты, кстати не была у него уже давно, он просил напомнить.

– Я знаю, – развела она руками, – я зайду, обязательно зайду на днях!..

– У тебя там моя книга оставалась, – Мишка задержал её руку в своей при прощании.

– Позвонишь мне, напомнишь?

– Позвоню, – он повернулся уходить. – Пока, Антон. Было приятно познакомиться.

– Ты переводись, Михаил, – ответил Антон, пожимая протянутую руку, – в армию нужно ходить вовремя.

Михаил пошёл, стал спускаться по лестнице, остановился на второй ступеньке... но не обернулся, а только качнул головой. И исчез.

– Тонка, он как-то внезапно погрустнел, – спросила Милка, прижавшись к Антону, когда они шли по улице.

– Ты не догадалась: почему?

– Почему?

– Ты сказала: «Мы», когда говорила о нас.

– Ты думаешь? А как должна была сказать?

– Это «тот» Мишка?

– Ты догадался?

Дождя не было, стало подмораживать. Отчего небольшие лужи покрылись тоненькой коркой льда. И, ступая по ним, раздавался хруст, словно ты шёл по битому стеклу.

– Давай пройдем через парк у Свислочи? – предложила Милка. – Туда две дороги, но красивее через парк.

Они прошли под большой железной ржавой аркой и оказались в парке. Здесь кое-где ещё висели листья на деревьях. Дождь облил их, они замёрзли. И, качаясь на ветру, издавали глухой звенящий звук, стучаясь друг о друга. Милка выпустила его руку и побежала к воде, где у самой её кромки возвышалась небольшая беседка.

По Свислочи, небольшой речушке, заросшей травой, плыла сизая утка, выбирая открытые участки воды, и время от времени её клюв исчезал под поверхностью реки так, что невозможно было понять, что это такое. Камень, торчащий из воды и поросший мхом.

Сзади раздалось :

– Карр-карр!

Ветер утих.

Они оглянулись и увидели метрах в пятидесяти от беседки на ветке ели сидящего ворона.

– Ворона, Тонка, смотри! – показала пальцем Милка.

– Ка-а-рр! – раздалось опять.

И ворон покачал головой.

– Это не ворона, Милка, это – ворон! – Тонка обнял Милку за плечи.

– Какая разница?

– Большая.

Она удивленно посмотрела на него сверху вниз.

– Видишь, какой он большой? Значительно больше вороны! Это только кажется, потому что далеко.

– Как ты различаешь: ворон или ворона?

– Ты думаешь, ворон – это муж вороны?

– Да... А разве нет?

– Это совсем разные птицы, Милка!

Словно желая показать, какой он на самом деле большой, ворон приподнялся на лапах, расправил крылья и сказал :

– Ка-аа...

– Слушай, он, правда, огромный!

– Метра полтора с крыльями.

– Какой же чёрный! Даже синевой отдаёт.

Тот потерял к ним интерес и повернулся задом.

Они тоже отвернулись.

– Вон там, видишь? – Милка показала рукой вдаль на другую сторону речки. – Дом с красной крышей?

– Вижу.

– Это и есть дом Андрея, куда мы идём!

– Как мы туда переберёмся?

– Пойдём, я знаю тут небольшой мостик... Он качается!

И, идя уже по мостику, остановилась на середине и спросила :

– Говорят, ворона видеть к несчастью?

– Кто тебе сказал?

– Говорят...

– Те, кто его никогда не видел?... Чёрное всегда, наверно,

вызывает беспокойство. Темнота вызывает страх... Он ведь был красивый, Милка!

– Тёмно-красивый!..Он смотрел мне прямо в глаза!

И она, взявшись за перила (толстые стальные канаты), пошатала мостик. Он задрожал под ногами. И деревянные доски, служившие дорожкой через реку, закрипели. Антон схватился обеими руками за канат – и его бросило вбок!

– Держись! – весело крикнула Милка, крепко схватив его за рукав. – Ничего не бойся со мной!

Поднявшись по мощёной гладким гранитом дорожке, они позвонили в домофон.

– Я слушаю, – раздалось оттуда.

– Здравствуйте, – сказала Милка, – Это – Мила.

– Открываю, заходите, – сказал женский голос.

И внутри ворот что-то щелкнуло, и они приоткрылись.

Они зашли внутрь.

Сине-белое трёхэтажное здание поднималось вверх уступами, закрывая от садящегося солнца лужайку зелёной травы с маленькими берёзками и небольшим фонтанчиком из камней.

Дверь в дом открылась – в проёме стоял молодой парень и улыбался :

– Милка! Проходи!

Она пошла тому навстречу, взяв Антона за руку.

– Андрей, знакомься, это – Антон!

– Привет! – протянул Андрей ему руку. – Вы – вовремя!

Сейчас начнётся!

И повёл их раздеваться.

Потом они прошли мимо круглого холла с большим каменным столом посередине и камином сбоку и стали подниматься по лестнице на второй этаж.

Андрей приоткрыл одну из дверей и сказал :

– Проходите, садитесь, где свободно... Я сейчас!

И убежал по проходу.

Антон прикрыл за ними дверь, и они с минуту постояли, привыкая к темноте.

Экран засветился, сверкнула яркая вспышка – по большому экрану потекли надписи.

Они оказались в кинозале, мест на тридцать.

Внезапно у левого, а потом и правого уха Антона поплыла музыка. Он скосил глаза – и увидел длинные высокие динамики по бокам.

– Пойдём вон туда, – за руку потянула его Милка, – там свободно.

Они бочком прошли к свободным местам и уселись.

Их почти никто не заметил – все смотрели на экран.

Фильм оказался небольшим — чуть больше часа.

Про дом престарелых.

Назывался: «Приют».

В конце маленькая девочка подбежала к старушке, сидящей в небольшой столовой, и показала пальцем на конфету, лежащую на столе. Старушка улыбнулась и протянула её ей.

Та схватила и убежала.

Пошёл крупный план изрезанного морщинами лица женщины, её глаза. А на заднем плане мама отчитывала девочку. А та непонимающе смотрела на неё и продолжала улыбаться.

Зажёгся свет. К ним подошёл Андрей :

– Пойдём в оранжерею! – негромко сказал он Милке. – Тут не дадут поговорить!

Они поднялись на третий этаж и вошли в оранжерею: продолговатое помещение с журнальным столиком и креслами в центре.

Кроме цветов и небольшого водоёма с рыбками здесь были и экзотические растения: цвёл лимон и торчал, словно его искусственно воткнули в землю, банан с зелёной гроздью плодов. Лиана вилась по стропилам, но не цвела.

– Ты знаешь, где бар, – сказал Андрей Милке, – а я минут через пять приду.

– Беги, беги, – улыбнулась Милка, – а-то мама с папой сами не справятся!

– Так всегда! – развёл он руками.

– Как обычно, на десять минут забежала? – спросил он Милку, когда вернулся.

– Чуть подольше, – согласилась она, – у меня гость – Антон.

– Чем занимаешься, Антон? – спросил Андрей.

– Собираюсь в армию.

– Что ты там забыл?

– Я не знаю! – засмеялся Антон. – Нужно посмотреть. Может, другую жизнь?

– Говорят, там кроме грязи ничего нет.

– Говорят много... Про дома престарелых тоже много врут.

Андрей внимательно посмотрел на него, но ничего не ответил.

– А ты где? – спросил Антон Андрея.

– Я?.. Я – в нашем институте кинематографии, – и развёл руками. – Мне больше некуда.

– Не ври, – вклинулась Милка, – ты же чуть не уехал на Север. Испытать себя хотел...

– Папа оказался убедительнее... Какой север, Мил? Каждый должен заниматься своим делом... Антон, – он повернулся к Антону, – когда вернёшься, не расскажешь, как там было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.